

Данная работа является несколько беллетризованной версией первой главы монографии, которую я пишу при финансовой поддержке РГНФ в рамках индивидуального научно-исследовательского проекта «Уголовные законы китайской династии Тан и оптимизация деятельности бюрократии», № 12-01-00017а

Утопии и управленцы

Немного об утопиях

Я не раз уже отмечал, что уголовное право можно рассматривать как негатив парадного автопортрета. Как отражение в зеркале, перед которым общество охорашивается, но где правое непременно становится левым, а левое — правым. Как вывернутую наизнанку мечту государства о самом себе, о том, каким оно хочет стать и каким пытается стать.

Пришло время поговорить об этом более обстоятельно.

Чем дальше, тем труднее становится не замечать, что наше движение в будущее, вразрез с тем, в чем мы были убеждены совсем недавно, все менее напоминает продуманное, осторожное и вдохновенное восхождение дружной связки альпинистов к сияющим вершинам. Скорее мир похож на громадную, под завязку набитую ширпотребом фуру, что, сбившись с трассы, потеряв управление, стремглав набирает скорость, без руля и без ветрил скатываясь то ли в овраг, то ли... От малейшего толчка на каждом ухабе туго упакованное барахло люто грохочет, сотрясаясь и крошась, уклон все растет, а сколько осталось до дна и что, собственно, на дне поджидает — никто не знает и даже не хочет знать. Ведь любые размышления на сей счет грозят отвлечь потребителя от товарооборота и тем затормозить рост ВВП внутри кренящегося то влево, то вправо, скачущего, лязгающего и вот-вот грозящего развалиться контейнера.

Более того. Любой намек на необходимость хоть как-то попробовать перейти к осмысленному продвижению встречается в штыки, потому что осмысленное продвижение — это, прежде всего, координация усилий. Та в свою очередь подразумевает признание некоей общей цели, достичь которой в результате этих усилий хотелось бы. Ну, а тут уж всегда наготове штампы: общая цель — это очередное «светлое будущее», а мы этим враньем сыты по горло. Слов «позитивный проект», «мир, в котором хотелось бы жить» или, тем более, «утопия» в интеллигентной аудитории произносить вообще нельзя, потому что

любая дальнейшая дискуссия сразу блокируется рефлекторным запуском постоянно стоящих на боевом дежурстве противоракет «пэтриот». Это же опять подавление инакомыслящих! Это опять тоталитаризм! Это опять реки крови! Красно-коричневым снова неймется! В СССР утопия у власти уже была, дорвались кровавые упыри до руля — хватит!

Так попугай из «Острова Сокровищ», чуть что, хлопал крыльями и кричал «Пиастры!»

В попугаев нас превратило агрессивное, предельно идеологизированное вдалбливание исторической безграмотности, начатое еще рупорами перестройки и вполне себе продолжающееся по сей день.

Четверть века назад я и сам ахал, читая «Огонек» и млея от вдруг открывавшихся новых, наперебой сляпанных, истин, камня на камне не оставлявших от прежней, веками выношенной и выстраданной якобы лжи. «Бедняга Маркс! Твое наследство Попало в русскую купель, Где цель оправдывает средства, А средства обо*рали цель»... Знание подобных максим и признание их истинными, неоспоримыми, как «дважды два четыре», делало человека рукопожатым, служило пропуском в интеллигентную среду. Кто с недоумением кривился, услышав такое, сразу становился чужаком.

Хотя ведь вовсе не большевики, а Макиавелли за несколько веков до их рождения писал:

Когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного¹...

О совести мы не можем вспоминать, ведь кому, как нам, угрожают голод и заточение, тот не может и не должен бояться ада².

Так что с претензиями насчет цели и средств — это не к Сталину. Просто у хлипких итальянских герцогов, для которых Макиавелли творил, не получилось, а у России, Макиавелли не читавшей — многократно до последнего времени получалось. Чего ей, натурально, ни один европейски образованный интеллигент простить не может в принципе.

Что же касается целей...

За две с половиной тысячи лет европейская цивилизация породила мощный корпус разнообразных утопических произведений. Даже

---

¹ Цит. по: Юсим, 1990. С. 81.

² Цит. по: Ук. соч. С. 98.

упомянуть их все здесь невозможно, да и не нужно. Для демонстрации основных тенденций и контрастов достаточным будет, как мне представляется, опереться лишь на три фундаментальных труда: «Государство» Платона (IV в. до н. э.), «Утопию» Томаса Мора (1516 г.) и «Город Солнца» Джиджиано Доменико (Томмазо) Кампанеллы (ок. 1602 г.; первая публикация — 1623 г.).

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, какая бездна чрезвычайно серьезных исследований написана о великих европейских утопиях. Я понимаю, что это не лучшая идея — вторгаться в чужую область науки со своими скороспелыми и поневоле поверхностными суждениями и соображениями. И если я все же рискую это сделать, то лишь потому, что, сколько мне известно, до сих пор никому из специалистов не пришло в голову посмотреть на знаменитые тексты с довольно неожиданной, очень приземлённой и совершенно прикладной точки зрения: а чем, собственно, мотивированы к добросовестному выполнению своих утопических обязанностей утопические управленцы? Грубо говоря: почему в Утопии завскладами не воруют, а в Городе Солнца медики, ответственные за подбор сексуальных партнеров, не утопают в подарках и подношениях?

В отличие от азиатских империй, средиземноморская цивилизация со времен самой архаичной античности и до относительно недавней эпохи становления национальных государств практически не сталкивалась с проблемами развитого, разветвленного, живущего во многом своей жизнью управленческого аппарата. Все возникавшие за несколько тысячелетий властные, что называется, вертикали в основном относились к так называемым патриархальным либо патримониальным видам господства и сводились либо к немногочисленным выборным должностям полисов с их совершенно незначительным низовым техническим персоналом, либо к горсткам вольноотпущенников при римских императорах, либо к относительной вольнице феодальных иерархий, обслуживаемых не более чем челядью. Все эти вертикали строились либо на личной ответственности перед избравшими управленца членами его общины, либо на всякого рода персональных клятвах верности, личной преданности вассала сюзерену, личной зависимости мелких чиновников от крупного, поставленного у власти верховным владыкой тоже на чисто персональной основе.

Может быть, именно поэтому европейские авторы идеальных моделей общественного и государственного устройства столь единодушно и столь безбоязненно вверяли целым сонмищам управленцев

дотошную, мелочную, каждодневную регламентацию общественной и частной жизни.

Видный польский социолог Ежи Шацкий в свое время не побоялся высказать очень важную мысль:

Было бы ...ошибкой оценивать утопии с точки зрения правильности содержащихся в них положений... Значение их не в этом. ...Утопии можно считать, с одной стороны, симптомами кризиса данной общественной организации, а с другой — признаками того, что в ней самой имеются силы, способные выйти за ее рамки... ...Без утопии нет прогресса, движения, действия. ...Уничтожить утопию может только преобразование действительности, из отрицания которой она вырастает. Говоря парадоксально, преодолением утопии может быть только ее осуществление...³

Неверно думать, разумеется, будто роль утопий исчерпывается тем, что некие не от мира сего мечтатели выдумывают некие модели, записывают их в качестве текстов, а потом люди, читая эти тексты, либо заражаются чужими мечтаниями и начинают претворять их в жизнь, либо, напротив, отворачиваются от них, и утопия остается втуне, единственно в качестве материала для размышлений будущих культурологов.

На самом деле в утопиях культура осознает, о чем она мечтает.

Однако сама мечта начинает ощущаться и вызревать куда раньше своей текстуальной фиксации. И, как всякая мечта, она представляется естественной и заманчивой для того, кто мечтает, и при том вполне может выглядеть нелепо, а то и чудовищно в глазах тех, кто мечтает о чем-то ином или не мечтает вовсе. Утопия — предельное выражение, квинтэссенция тех или иных тенденций данной, и только данной культуры. И если мечта укореняется достаточно прочно, пропитывает культуру достаточно долго, раньше или позже она реализуется, хотя, как правило, отнюдь не буквально.

Например, европейская цивилизация едва ли не с рождения больна идеей изъятия детей из семей и передачи их специалистам, профес-

---

³ Шацкий, 1990. С. 198—200. Он же, относя возникновения термина «утопия» к сочинению Томаса Мора, заметил: «...Утопиями стали называть и более ранние произведения, например, «Государство» Платона. Иногда даже утверждают, что всю утопическую литературу можно рассматривать как гигантский комментарий к этому знаменитому сочинению» (Там же. С. 19). Но по вполне понятным причинам в поле рассмотрения ученого находились лишь европейские утопии.

сионалам, которые, как не раз и не два постулировалось, сумеют воспитать куда лучших граждан, чем это делают родители — неопытные, малообразованные, несведущие в психологии и социологии, невнимательные к нуждам подрастающего поколения, обуреваемые собственными низменными заботами и страстями. Концепцию эту варьировали на протяжении тысячелетий — от древних эллинов до советских фантастов.

Именно эта давняя навязчивая идея прорвалась в современную западную реальность в виде ювенальной юстиции.

Поправка на явь сказалась в том, что отбирать у родителей всех детей без исключения оказалось бы слишком бессмысленно и, главное, слишком накладно. Современное государство не любит неприбыльных телодвижений. Налогоплательщики не поймут. Но тем не менее оно зарезервировало за собой право по первому сигналу, при первой же, сколь угодно малозначительной или даже просто иллюзорной, надуманной, одной лишь идеологией (а то и политикой) обусловленной возможности вторгаться в жизнь семьи и само судить, кому, когда и на каких условиях передать конфискованного у родителей ребенка. Не тверди многие поколения мечтателей и реформаторов о том, что государству лучше знать, как воспитывать детей, идея эта никогда не нашла бы политического воплощения.

Или другой пример.

При всем уважении к социалистическим грезам, при всем понимании неизбежности и оправданности их возникновения трудно вообразить более бесчеловечные и деспотические общественные системы, чем описаны, например, у Мора или Кампанеллы. Ни в какое сравнение с ними не идут поздние антиутопии Замятина, Оруэлла или Хаксли. Миров страшнее, чем те, что от всей души предлагались в качестве идеальных людьми Ренессанса, человеческая фантазия, пожалуй, не создала.

И на фоне их вопиющей антигуманности одним из существеннейших свойств этих миров является присвоение права безапелляционно судить, какое из окружающих их соседних государств является неправильным, тираническим — и по одной лишь этой причине военной силой «освободить» их, сразу после освобождения принимаясь перекраивать по своему образу и подобию.

Мор:

...Они не затевают войну зря, а разве только когда или сами защищают свои пределы, или же прогоняют врагов, или когда они

жалуют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, — тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности). ...Но действуют гораздо более жестоко, когда купцы дружественных народов под предлогом неблагоприятных законов или же пагубного искажения хороших законов, где бы то ни было, под видом справедливости подвергаются несправедливому обвинению⁴.

...Привлечённые этими их добродетелями, соседние народы, которые свободны и живут по своей воле (ибо многих из них утопийцы уже давно освободили от тирании), просят себе у них должностных лиц⁵...

Отказавшихся жить по их законам утопийцы прогоняют из тех владений, которые предназначают себе самим. На сопротивляющихся они идут войной. Ибо утопийцы считают наисправедливейшей причиной войны, когда какой-нибудь народ сам своей землей не пользуется, но владеет ей как бы попусту и напрасно, запрещая пользоваться и владеть ею другим, которые по предписанию природы должны здесь кормиться⁶.

Кампанелла:

...На том же острове находятся еще четыре царства, сильно завидующих их благополучию... Тамошнее население стремится жить по обычаям Соляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей...⁷

...Победителями всегда выходят Солярии. Как только они подвергаются насилию, ...или призывают их [Соляриев — В. Р.] на помощь другие города, находящиеся под гнетом тирании... начинается война против нарушителей естественного права и религии⁸.

Они охотно прощают вину и оскорбления своим врагам и, одержав над ними победу, оказывают им благодеяния. Если по-

---

⁴ Мор, 1978. С. 242—243. То бишь, что считаем справедливым не мы — заведомая несправедливость, а чужие законы — нам не указ, они заведомо либо неблагоприятны, либо искажены (то есть работают не в нашу пользу). Мы будем делать то, что соответствует нашей справедливости, то есть что хотим. Но любая попытка ограничивать нас по соображениям вашей справедливости — уже предлог для начала против вас военных действий. Звучит более чем современно...

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Кампанелла, 1954. С. 76.

⁸ Там же. С. 76—77.

становлено ...казнить кого-нибудь из неприятелей, то это производится в самый день победы над врагами, после чего они [Солярии — В. Р.] непрестанно оказывают им благодеяния, говоря, что целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных⁹.

Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца...¹⁰

Не хочется опускаться до политической публицистики, перечисляя войны последних полутора-двух десятков лет, начатые ради освобождения кого-нибудь от какой-нибудь «тирании» наследниками той культуры, в лоне которой творили оба великих утописта. Но очевидно, что по этому параметру их идеальные образы оказались практически реализованы и реализация их продолжается; похоже даже, что год от году нарастает. Пленительный образ самой себя, светивший евроатлантической цивилизации в течение многих веков, перешел на новую стадию воплощения в жизнь. Не за горами, вероятно, и войны за территории, которыми с точки зрения нынешних утопийцев кто-то владеет «как бы попусту и напрасно».

Не хочется-то не хочется, но удивительно, что до сих пор находятся люди, публично утверждающие что-нибудь вроде:

Как правило, все войны начинают диктаторы. А побеждают в этих войнах либералы. Причина проста: солдаты либеральных стран защищают свою свободу. Солдаты диктаторских режимов вынуждены отстаивать свое рабство¹¹.

Похоже, некоторые мыслители как начитались в свое время чего-то вроде «Огонька» периода *perestrojki*, как зажмурились в восхищении, ослепленные сиянием вдруг открывшихся им наскоро сляпанных напыщенных истин, так и живут с той поры, не имея ни ответственности, ни порядочности, ни даже элементарного любопытства, чтобы хоть одним глазком взглянуть на реальный мир.

Не время и не место углубляться в мировую древность в поисках примеров, прямо и по всем пунктам опровергающих вышеприведенное утверждение, — скажем, от Пелопоннесской войны, до, скажем,

---

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 81—82.

¹¹ Жуховицкий, 2011. С. 140.

войны англо-бурской... Но уж с тех пор, как после катастрофической глобальной перестройки 1914—1918 годов возобладала идея спасения человечества прогрессом, вне зависимости от политического устройства и способа правления все мало-мальски серьезные войны начинают исключительно те, кто, во-первых, принадлежит к европейской цивилизации (или с максимально возможной успешностью модернизируется по ее примеру — например, Япония), а во-вторых, возомнил себя провозвестником будущего (разумеется, по их представлениям — светлого) и счел, что в его силах навязать свой вариант развития окружающим.

А вот еще вопрос денег и частной собственности.

Платон:

...Прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью...¹²

...Ни у кого не будет ничего собственного, но всё у всех общее. ...Никто не должен ничего приобретать...¹³

Мор:

...Любой глава хозяйства просит то, что надобно ему самому и его близким, притом без денег, вообще безо всякого вознаграждения уносит все, что только попросит¹⁴.

Оттого, что здесь нет скардного распределения добра, нет ни одного бедного, ни одного нищего. И, хотя ни у кого там ничего нет, все, однако же, богаты¹⁵.

Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности¹⁶.

Из этого обыкновения необходимо следует у этого народа изобилие во всем. И оттого, что оно равно простирается на всех, получается, конечно, что никто не может стать бедным или нищим¹⁷.

Кампанелла:

Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее¹⁸.

---

¹² Платон. Государство. III 416d.

¹³ Там же. VIII 543b.

¹⁴ Мор, 1978. С. 193.

¹⁵ Там же. С. 274.

¹⁶ Там же. С. 276.

¹⁷ Там же. С. 200.

¹⁸ Кампанелла, 1954. С. 56.

...Община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности...¹⁹

Реальное, объективно возникшее экономическое своеобразие европейской цивилизации исходно было в вопиющем противоречии с этой мечтой. Возможно, оттого мечта и повторялась от утопии к утопии столь настойчиво: именно чрезвычайно раннее и чрезвычайно интенсивное развитие товарно-денежных отношений еще с эллинских времен демонстрировало европейской культуре все безобразные черты подобного уклада. Но именно в Элладе встав на товарно-денежный путь — во многом просто благодаря ландшафту, мелко нашинковавшему подвластные всякой отдельной общине уголья, что с самого начала вынудило каждую из них строить экономику на торговле — европейская цивилизация уже не могла с него свернуть; наоборот, товарно-денежным водоворотом она втягивала в свой кильватер всех, кто впоследствии попадался ей на пути. А самое европейскую реальность то и дело дергало в сторону однообразно безденежных социальных конструкций.

Последним исторически значимым всплеском обобществляющих мечтаний суждено было оказаться учению Маркса. Последней же исторически значимой попыткой «преодолеть человека», создать вместо себялюбивой корыстной обезьяны нечто принципиально новое, грандиозное и прекрасное, было ницшеанство — с известными последствиями. Вскоре после этого непреодолимый экономический тренд перемолол в Европе все утопии такого рода. Но мечта не умирала в течение многих веков и, будучи вместе со всей европейской культурой трансплантирована в Россию, где доминировало государственное регулирование и общинное сознание, именно она на новой, куда более благоприятной, нежели европейская, экономической и культурной почве породила грандиозную и чудовищную попытку реализовать давнюю мечту на деле.

Роль управленцев

Если присмотреться более пристально ко внутреннему устройству миров Платона, Мора и Кампанеллы, то поражает прежде всего сугубая зарегулированность их моделей и, соответственно, постоянные ссылки на тех, кто это регулирование призван проводить в жизнь.

Платон то и дело поминает «стражей». У Томаса Мора это некие

---

¹⁹ Там же. С. 71.

«сифогранты» и «траниборы». Кампанелла не мучил сложными терминами ни себя, ни читателя, но едва ли не в каждой его фразе упоминаются «начальники и начальницы», «должностные лица», а то и просто «маститые старцы со старухами»²⁰.

Для вящей пользы народа и государства все в утопиях происходит не хаотично, не произвольно и не само собой, но под чутким руководством этих всеведущих и вездесущих силовиков и аппаратчиков.

У Платона это прежде всего — идеологический контроль и сортировка человеческого материала. И хотя великий грек при описании тех или иных нововведений, направленных на организацию идеального порядка, частенько говорит своим собеседникам по диалогу просто «мы», понятно, что реальное осуществление рутинных управленческих операций возложить в проектируемом им государстве было бы не на кого, кроме как на стражей — или еще более высокое, уже над самими стражами главенствующее руководство.

Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы...²¹

...Поэтов надо заставить об этом писать в своем творчестве²².

...Мы заставим поэтов утверждать, что... Пусть и не пытаются у нас внушить юношам убеждение, будто...²³

Неужели только за поэтами надо смотреть и обязывать их ...воплощать в своих творениях нравственные образы...? Разве не надо смотреть и за остальными мастерами и препятствовать им воплощать в образах живых существ, в постройках или в любой своей работе что-то безнравственное, разнузданное, низкое и безобразное?²⁴

Даже в их детские годы, предлагая им занятия, надо наблюдать, в чем кто из них бывает особенно забывчив и поддается обману²⁵.

...Лучшие мужчины должны большей частью соединяться с

---

²⁰ Китаисту эти старцы сразу напоминают *сюньгуаней* 勳官 — мелких функционеров, не входивших в кадровую бюрократию, однако наделенных чиновничьими рангами (весьма, впрочем, низкими) за проявленную в прошлом воинскую доблесть. Они служили главным подспорьем кадровой бюрократии на местах, например, при исполнении мелких управленческих функций на речных переправах, мостах, внутренних таможах и пр.

²¹ Платон. Государство. II 377c.

²² Там же. II 378d.

²³ Там же. III 391d.

²⁴ Там же. III 401b.

²⁵ Там же. III 413c.

лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и ...потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, раз наше стадо должно быть самым отборным. Но что это так делается, никто не должен знать, кроме самих правителей, чтобы не вносить ни малейшего разлада в отряд стражей. ...Надо будет установить законом какие-то празднества, на которых мы будем сводить вместе невест и женихов ...и поручить нашим поэтам создавать песнопения, подходящие для заключаемых браков. А определить количество браков мы предоставим правителям, чтобы они по возможности сохраняли постоянное число мужчин, принимая в расчет войны, болезни и т. д., и чтобы государство у нас по возможности не увеличивалось и не уменьшалось. ...А жеребьевку надо, я думаю, подстроить как-нибудь так, чтобы при каждом заключении брака человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей²⁶.

Все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц... Взяв младенцев, родившихся от хороших родителей, эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. А младенцев, родившихся от худших родителей или от родителей, обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено, в недоступном, тайном месте²⁷.

...Мы подберем людей здоровых телом и духом и воспитаем их на возвышенных знаниях и усиленных упражнениях...²⁸

Нельзя также позволить нашим воспитанникам быть взяточниками и корыстолюбцами. ...Нельзя, чтобы они слушали, как воспеваются, что «Всех ублажают дары — и богов и царей величайших»²⁹.

...Всех, кому в городе больше десяти лет, они отошлют в деревню, а остальных детей, оградив их от воздействия современных нравов, свойственных родителям, воспитают на свой лад, в тех законах, которые мы разобрали раньше. Таким-то вот образом всего легче и скорее установится тот государственный строй, о котором мы говорили, государство расцветет, а народ, у которого оно воз-

---

²⁶ Там же. V 459d — 460a.

²⁷ Там же. V 460bc.

²⁸ Там же. VII 536b.

²⁹ Там же. III 390de.

никнет, достигнет блаженства и извлечет для себя великую пользу³⁰.

Понятно, что такие масштабные, изощренные и постоянные усилия невозможно осуществить без развитой и чрезвычайно добросовестной бюрократии. Причем бюрократия эта сильнее всего образом расчленена, и низшие ее уровни сознательно дезинформируются верхними как бы для пользы общего дела. У Оруэлла подобные уровни назывались внешней и внутренней партиями. Элита лжет непосредственным руководителям, а те, в свою очередь, воспитывают народ на благих примерах. Как при таком раскладе не позволить людям становиться взяточниками и корыстолюбцами — вопрос. Вряд ли, если им не спеть о том, что «всех ублажают дары», они при такой жизни сами раньше или позже об этом не догадаются.

А вот сколько важнейших дел организационного и экономического характера вверено управленческому аппарату в Утопии Мора.

Главное и почти что единственное дело сифогрантов — заботиться и следить, чтобы никто не сидел в праздности. Но чтобы каждый усидчиво занимался своим ремеслом — однако же не работал бы не переставая с раннего утра до поздней ночи, усталый, подобно выючному скоту³¹.

Каждый город делится на четыре равные части. В середине каждой части есть рынок со всякими товарами. Туда каждое хозяйство свозит определенные свои изделия, и каждый их вид помещают в отдельные склады³².

...К каждому из дворцов приписаны тридцать хозяйств, ...там должны они вместе принимать пищу. Экономы из каждого дворца в определенный час приходят на рынок и получают провизию сообразно с числом своих людей. Первая забота, однако, о больных, которых лечат в общественных приютах³³.

Потому что все они занимаются полезными ремеслами и для этого достаточно весьма малой затраты труда, выходит, что у них всего вполне вдоволь; иногда огромное количество людей они отсылают исправлять общественные дороги (если дороги испорчены); очень часто также, когда не случается надобности в какой-

---

³⁰ Там же. VII 540e — 541a.

³¹ Мор, 1978. С. 184.

³² Там же. С. 193.

³³ Там же. С. 194.

либо такой работе, открыто объявляют, что на работу отводится меньше часов³⁴.

...Сенат..., как только установит, что и в каком месте имеется в изобилии и, напротив, чего где уродилось меньше, тут же восполняет недостаток одного обилием другого. И делают они это бесплатно, ничего в свою очередь не получая от тех, кому дарят. Однако то, что они отдали какому-нибудь городу, ничего от него не требуя в ответ, они получают, когда нуждаются, от другого, которому ничего не давали³⁵.

И если у кого-нибудь появится желание повидать друзей, живущих в другом городе..., разрешение легко получить у своих сифогрантов и траниборов, разве только помешает этому какая-нибудь причина. ...Отправляется ...с письмом от правителя, который удостоверяет, что дано разрешение на отъезд и предписан день возвращения. В дорогу дают повозку и общественного раба... Несмотря на то, что утопийцы ничего не берут с собой в дорогу, у них, однако, всего вдоволь, ибо они повсюду дома. Если в каком-нибудь месте они задержатся дольше чем на один день, то каждый занят там своим делом, и ремесленники, занимающиеся тем же трудом, обходятся с ними наичеловечнейшим образом. Если кто уйдет за границу по собственной воле, без разрешения правителя, то пойманного подвергают великому позору: его возвращают как беглого и жестоко карают³⁶.

В сущности, вся экономика блаженного острова управляется и регулируется должностными лицами. Перемещения по острову также подконтрольны властям, то есть облечённым властью людям. А одна лишь фраза о том, что разрешение на перемещение получить легко, если только не мешает какая-либо причина, сразу разворачивает перед мысленным взором современного читателя обширнейший набор радужных перспектив, встающих перед теми, кто по долгу службы дает такие разрешения и определяет, есть причина отказать в поездке или нет.

Или такой вопрос: как, кто и на каких правовых основаниях отлавливает в чужих странах экс-утопийцев, самовольно ушедших за границу? Как их переправляют через кордон обратно?

---

³⁴ Там же. С. 190.

³⁵ Там же. С. 200.

³⁶ Там же. С. 199.

В Городе же Солнца по воле Кампанеллы творится вот что.

Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя...: Мощь, Мудрость и Любовь³⁷.

...Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные³⁸.

...Через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круте спать и кому в первой спальне, кому во второй...³⁹

...Распределением одежды сообразно с условиями необходимости ведают врачи и хранители одежды...⁴⁰

Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника⁴¹.

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство⁴².

Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся... Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения — опытного врача, подчиненного правителю Любви⁴³.

---

³⁷ Кампанелла, 1954. С. 39.

³⁸ Там же. С. 44. Китаист опять-таки неизбежно вспомнит структуру реальной верховной власти традиционного Китая: Сын Неба и его так называемые *сань сы* 三司 — «трое властных» (они же *сань гун* 三公 — «трое верховных», «три гуна»): Великий защитник (*тайвэй* 太尉), Ведающий общественными нравами (*сыту* 司徒) и Ведающий общественными работами (*сыкун* 司空). Откуда эта магия вспомогательных управленческих триад, возникающая в разные эпохи и в разных концах света? Может быть, дело в объективно общем для всех людей неизбежном предысторическом опыте — ведь для устойчивости любого предмета минимально достаточно трех опор? Недаром в Китае треножники исстари были одним из основных видов ритуальной утвари.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Там же. С. 59.

⁴¹ Там же. С. 60.

⁴² Там же. С. 44.

⁴³ Там же. С. 60—61.

Вечером приходят мальчики и стелют им ложа, а затем их ведут спать согласно приказанию начальника и начальницы. ...Спят в отдельных комнатах до самого часа совокупления. Тогда встает начальница и отворяет снаружи обе двери⁴⁴.

...Производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц...⁴⁵

Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. ...На седьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город⁴⁶.

...Никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста... хромые несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д. Наконец, ежели кто-нибудь владеет всего одним каким-либо членом, то он работает с помощью его хотя бы в деревне, получает хорошее содержание и служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит⁴⁷.

Правителю Мощи подчинены: начальник военного снаряжения, начальники артиллерии, конницы и пехоты, военные инженеры, стратеги и т. д., имеющие, в свою очередь, много подчиненных им начальников и военных мастеров⁴⁸.

...Учат обращаться с оружием мальчиков, достигших двенадцатилетнего возраста и уже до этого приучившихся к борьбе, бегу,

---

⁴⁴ Там же. С. 61—62.

⁴⁵ Там же. С. 67.

⁴⁶ Там же. С. 64—65.

⁴⁷ Там же. С. 73.

⁴⁸ Там же. С. 73—74.

метанию камней и т. д. под руководством низших наставников...⁴⁹

Женщины также обучаются всем этим приемам под руководством собственных начальников и начальниц...⁵⁰

Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение⁵¹.

Здесь речь идет уже не только о полном огосударствлении экономики (существующей в Городе Солнца, как явствует из последней цитаты, в немалой степени за счет военного грабежа), но и о централизованно проводимой в жизнь евгенической программе, и об организации системы поголовной взаимной слежки и доноительства, и о полной милитаризации общественной жизни.

Представления о мотивациях

При первой же попытке хоть как-то, пусть лишь ради мысленного эксперимента, представить во плоти все предлагаемые гениальными утопистами области государственного контроля и реальную деятельность занятых там живых людей, буквально голова идет кругом от широчайших и невозбранных возможностей для злоупотреблений, которые открывает идеальная упорядоченность для тех, кто в ответе за ее претворение в жизнь. И примитивных злоупотреблений, основанных на элементарной имущественной корысти, и иных, темных и подспудных, тех, что для людей, сжигаемых вечной неудовлетворенностью, людей с комплексами, с неполноценной или больной психикой куда более вожделенны, нежели немудрящие радости корыстолюбцев.

Вряд ли творцы утопий совсем упускали из виду угрозы такого рода. Конечно, они перекраивали реальность нещадно и не очень-то задумывались о реальных средствах и способах такой перекройки — но, безусловно, ощущали, что для жизни в перекроенной реальности нужны будут и перекроенные люди, иначе новая реальность не заработает. Недаром у Платона встречаются даже такие формулировки, как:

...Мы уже достаточно поговорили об этом государстве и о соответствующем ему человеке? Ведь ясно, каким он, по-нашему, дол-

---

⁴⁹ Там же. С. 74.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 81.

жен быть⁵².

Однако, несмотря на старательное абстрагирование от этой проблемы, время от времени вопрос о том, чем мотивирован «соответствующий» новому миру человек и, тем более, чем мотивирован новый управленец, все же всплывал. Ибо совсем обойти его вниманием было невозможно. Слишком уж зависели рядовые новые люди от новых управленцев. Слишком велики и разнообразны были управленческие прерогативы, области контроля. А кроме того, и саму систему мотиваций нового человека весьма соблазнительно было подать как очередной, весьма существенный идеал.

У Платона воспитание соответствующего новым задачам управленца в огромной степени зависело от реализации самых общих его идей, таких, как идея блага, идея справедливости и многих иных. Оттанавливаться на анализе еще и философии Платона в данной работе было бы и совершенно неуместно, и крайне самонадеянно. Но есть в великом тексте великого эллина и простые указания и рецепты, мимо которых в свете нашей тематики пройти никак нельзя.

...Нашим делом было бы отобрать тех, кто по своим природным свойствам годен для охраны государства⁵³.

Даже в их детские годы, предлагая им занятия, надо наблюдать, в чем кто из них бывает особенно забывчив и поддается обману. Памятливых и не поддающихся обману надо отбирать, а кто не таков, тех отвергнуть. ...Надо также возлагать на них труды, тяготы и состязания и там подмечать то же самое⁵⁴.

То есть, во-первых, нужна селекция, начинающаяся с наблюдения за детьми еще в самом нежном возрасте. Другими словами, немалое упование возлагается на спонтанно возникающую порядочность, добросовестность, чиновничество и стремление к государственному служению. Есть, оказывается, люди, «по своим природным свойствам» годные для охраны государства. Просто надо их вовремя выявить.

Селекция не ограничивается детским возрастом.

...Среди людей любого возраста надо нам подмечать того, кто способен быть на страже таких воззрений, так что ни обольщения,

---

⁵² Платон. Государство. VII 541b.

⁵³ Там же. II 374e.

⁵⁴ Там же. III 413cd.

ни насилие не заставят его забыть или отбросить мнение, что надлежит делать наилучшее для государства⁵⁵.

...Из стражей надо выбрать таких людей, которые, по нашим наблюдениям, целью всей своей жизни поставили самое ревностное служение государственной пользе и ни в коем случае не согласились бы действовать вопреки ей⁵⁶.

Но надежда на одни лишь природные склонности не дает ощущения надежности. Надлежащим склонностям надо помочь проявиться надлежащим образом и в надлежащем количестве людей. В первую очередь такая помощь заключается в создании искусственно сконструированной культурной среды.

Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей... А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить⁵⁷.

Вовсе не следует излагать и расписывать битвы гигантов и разные другие многочисленные раздоры богов и героев с их родственниками...⁵⁸

Нельзя рассказывать юному слушателю, что ...он не совершает ничего особенного, даже если он всячески карает своего совершившего проступок отца, и что он просто делает то же самое, что и первые, величайшие боги⁵⁹.

...Во всем, что считается мелочами, они найдут нормы поведения. ...Младшим полагается молчать при старших, уступать им место, вставать в их присутствии, почитать родителей; затем идет все, что касается наружности: стрижка, одежда, обувь и так далее⁶⁰.

Однако любая фильтрация прежде бытовавших воззрений, как их

---

⁵⁵ Там же. III 412e.

⁵⁶ Там же. III 412de.

⁵⁷ Там же. II 377c.

⁵⁸ Там же. II 378 c.

⁵⁹ Там же. II 378b.

⁶⁰ Там же. IV 425ab. Здесь китаисту немедленно вспоминаются аналогичные заповеди Конфуция. Мы видим даже термин «нормы поведения», столь хорошо знакомый синологам под именем *ли* 禮. Вроде бы все то же: уважение к старшим, почитание родителей... При желании можно разглядеть даже некий намек на аналог общеобязательных установлений (*лин* 令), предписывавших в традиционном Китае покррой и цвет одежды, устройство жилищ, количество лошадей при путешествиях... Но куда более пространные и существенные для всей концепции Платона высказывания о судьбе семьи в идеальном государстве напрочь разрушают всякую аналогию.

ни цензурируй, недостаточна для грандиозных задач создания нового общества. Необходима совершенно новая коллективистская идеология.

Я попытаюсь внушить сперва самим правителям и воинам, а затем и остальным гражданам, что то, как мы их воспитывали и взращивали, и все то, что они пережили и испытали, как бы привиделось им во сне, а на самом-то деле они тогда находились под землей и вылепливались и взращивались в ее недрах — как сами они, так и их оружие и различное изготовляемое для них снаряжение. Когда же они были совсем закончены, земля, будучи их матерью, произвела их на свет. Поэтому они должны и поныне заботиться о стране, в которой живут, как о матери и кормилице, и защищать ее, если кто на нее нападет, а к другим гражданам относиться как к братьям, также порожденным землей⁶¹.

Социальная мобильность, предусмотренная для идеального государства, если и существует в нем, то только на основе еще более фантастических допущений.

Хотя все члены государства братья (так скажем мы им, продолжая этот миф), но бог, вылепивший вас, в тех из вас, кто способен править, примешал при рождении золота, и поэтому они наиболее ценны, в помощников их — серебра, железа же и меди — в земледельцев и разных ремесленников. Все вы друг другу родственники, но большей частью рождаете себе подобных, хотя все же бывает, что от золота рождается серебряное потомство, а от серебра — золотое; то же и в остальных случаях. От правителей бог требует прежде всего и преимущественно, чтобы именно здесь они оказались доблестными стражами и ничто так усиленно не оберегали, как свое потомство, наблюдая, что за примесь имеется в душе их детей, и, если ребенок рождается с примесью меди или железа, они никоим образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число ремесленников или земледельцев; если же у последних рождается кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи или в помощники. Имеется, мол, предсказание, что государство разрушится, когда его будет охранять железный страж или медный⁶².

Следовательно, никакого сколько-либо объективного и формаль-

---

⁶¹ Там же. III 414de.

⁶² Там же. III 415abc.

ного критерия, позволявшего бы на единой основе, по единым, понятным населению показателям регистрировать принадлежность кого-либо то к золотому, то к медному социальному слою нет; отнесение ребенка ли, взрослого ли к определенному металлу оставляется на произвол правящих идеальным государством мудрецов. Сам человек никаких сознательных, осмысленных усилий по самопреображению предпринять не может в принципе; нет ориентира, нет мерила, согласно которому он мог бы знать заранее: такие-то успешные действия на благо общества дают ему возможность переквалифицироваться в серебряные, такие-то — в золотые; а такие-то неблагоприятные деяния, наоборот, опустят его из золотых в серебряные или даже в медные.

Людам, воспитанным в русле означенных воззрений и затем отфильтрованным неким высшим начальством — и вверяются управленческие функции.

А чтобы неколебимое стремление стражей приносить благо обществу и впрямь никогда не поколебалась бы, им нещадно обеспечивается полное бескорыстие. То, что частнособственнические мотивы являются главным искусом для слуг народа, было понятно уже во времена Платона.

...В образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети — тоже, да и все их воспитание будет общим; точно так же общими будут военные и мирные занятия... Ни у кого не будет ничего собственного, но все у всех общее. ...Никто не должен ничего приобретать...⁶³

...Они служат только за продовольствие, не получая сверх него никакого вознаграждения, так что им невозможно ни выезжать в чужие земли по собственному желанию, ни подносить подарки гетерам, ни производить иные траты по своему усмотрению⁶⁴.

...Прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. ...Ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. ...Столуясь все вместе, как во время военных походов, они и жить будут сообща. А насчет золота и серебра надо сказать им, что божественное золото — то, что от богов, — они всегда имеют в своей душе, так что ничуть не нуждаются в золоте человеческом, да и нечестиво было бы, обладая тем

---

⁶³ Там же. VIII 543ab.

⁶⁴ Там же. IV 420a.

золотом, осквернять его примесью золота смертного: у них оно должно быть чистым, не то что ходячая монета, которую часто нечестиво подделывают. Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей, украшаться ими или пить из золотых и серебряных сосудов. Только так могли бы стражи остаться невредимыми и сохранить государство⁶⁵.

Кто бы объяснил, однако, что имеется в виду под «крайней необходимостью» иметь собственность, каковы критерии этой необходимости, какие инстанции полномочны их применять и в каких пределах частной собственностью согласно этим критериям наделять? Налицо еще одна широчайшая лазейка для произвола и того, что ныне называют коррупцией.

Кто бы объяснил, на худой конец, как реально обеспечивается вроде бы простенький с виду запрет «даже прикасаться» к золоту и серебру?

При всем этом дальнейшие характеристики общественной жизни окончательно сводят к нулю все прежние апелляции к авторитету отца, к братству, к семейному старшинству и младшинству, равно как и к старательной охране всего комплекса этих связей и отношений силой поднадзорного эпического искусства.

...Всякий будет называть своими сыновьями и дочерьми мальчиков и девочек, родившихся на десятый или седьмой месяц от дня его вступления в брак, а те будут называть его своим отцом; их потомство он будет называть детьми своих детей, а они соответственно будут называть стариков дедами и бабками, а всех родившихся за то время, когда их матери и отцы производили потомство, они будут называть своими сестрами и братьями, и потому, как мы только что и говорили, им не дозволено касаться друг друга. Из числа же братьев и сестер закон разрешит сожительствовать тем, кому это выпадет при жеребьевке...⁶⁶

Ну, а как же у твоих стражей? Найдется ли среди них такой, чтобы он считал и называл кого-нибудь из сотоварищей чужим? — Ни в коем случае. С кем бы из них он ни встретился, он будет признавать в них брата, сестру, отца, мать, сына, дочь или их детей либо дедов. — ...Но скажи еще вот что: предпишешь ли ты им за-

---

⁶⁵ Там же. III 416d — 417a.

⁶⁶ Там же. V 461de.

коном придерживаться только родственных обращений или и вести себя соответственно обращениям, например по отношению к своим отцам соблюдать все то, что в обычае относительно отцов вообще, то есть быть почтительными, заботиться о них и должным образом слушаться родителей под страхом того, что не будет им добра ни от богов, ни от людей, если они поступят иначе: в последнем случае их поведение будет и нечестивым, и несправедливым. Эти ли речи всех граждан или какие-нибудь иные будут всегда у тебя слышать даже самые малые дети относительно тех людей, которых им укажут как отцов или остальных родичей? — Эти самые. Было бы смешно и названия близких оставались бы пустым звуком, если не претворять это в жизнь. — Значит, из всех государств только у граждан этого государства мощно звучало бы в один голос: "Мои дела хороши!" или "Мои дела плохи!", если у одного какого-то гражданина дела идут хорошо или плохо⁶⁷.

...Причиной величайшего блага для нашего государства служит общность детей и жен у его защитников⁶⁸.

Другими словами, братское единство управленцев идеального государства обеспечивается тем, что никто не знает, кто на самом деле его брат. Охрана идеологией авторитета отцов и исполнительности сыновей нужна для того лишь, чтобы любой старший мог быть для младшего суровым и властным отцом, а любой младший для любого старшего — преданным и покорным сыном. То есть на словах все родные, а по сути — все чужие, и родных нет вообще.

В свете же нашей тематики страшнее всего даже не сама по себе фраза «отцы, которых укажут» — хотя и она в любом нормальном человеке вызывает трепет ужаса. При разговоре о бюрократии и ее мотивациях куда существеннее выглядит вопрос, кто именно указывает детям их отцов, с какой целью он это делает и насколько он при этом нелицеприятен; и даже если он, паче чаяния, вполне нелицеприятен, то по какой именно причине он нелицеприятен? Что удерживает его от произвола, от действий по личной сиюминутной прихоти при осуществлении этого действия, надо думать, весьма значимого для общественного блага?

В реальности же подобное братство, мягко говоря, лишено всякой теплоты и искренней преданности.

---

⁶⁷ Там же. V 463 cde.

⁶⁸ Там же. V 464b.

Тому, кто постарше, будет предписано начальствовать над всеми, кто моложе его, с правом наказывать их. ...А младший, за исключением тех случаев, когда велют правители, никогда не решится, да оно и естественно, применить насилие к старшему или поднять на него руку, и думаю, что и вообще никогда его не оскорбит. Этому достаточно препятствуют два стража: страх и почтительность. Почтительность возбраняет касаться родителей, а страх заставляет предполагать, что обиженному помогут другие, либо как его сыновья, либо как братья, либо как отцы⁶⁹.

Снова встает вопрос, не имеющий отношения к высокой философии: когда, по какому случаю и в каких пределах правитель может приказать младшему поднять руку на старшего, то есть, в сущности, сыну на отца? И, главное, зачем, собственно, правителю это может понадобиться? Мотивация исполнителя понятна: бездумное исполнение приказа. Тоже не лучшее свойство человеческой природы, но по крайней мере явно не умозрительная конструкция. А вот мотивация правителя, отдающего приказы, столь губительные для всей оформляющей социальную иерархию системы ценностей и связанных с ними эмоций?

Почтительность к старшему в этих условиях превращается не более чем в отсутствие приказа перестать быть почтительным. Получение же приказа, надо полагать, снимает все моральные обязательства, всякое уважение к любому из бесчисленных отцов.

Если попытаться подытожить, можно сказать, что добросовестное, бескорыстное, свободное от личных пристрастий и предпочтений выполнение стражами своих обязанностей в идеальном государстве обуславливалось следующими факторами:

- ◆ мощнейшей идеологической обработкой, говоря современным языком — промывкой мозгов, осуществляемой с самого раннего детства, причем, что очень существенно, убедительность индоктринируемого комплекса идей и воззрений, выдуманных искусственно и нарочито, оставляет, мягко говоря, желать лучшего; поэтому для их внедрения неизбежно потребовались бы силовые методы, каждодневное применение которых неизбежно оставляет широчайший простор для произвола;
- ◆ постоянным контролем за поведением и духовным со-

---

⁶⁹ Там же. V 465ab.

стоянием детей, подростков, а возможно — и вообще всего населения с тем, чтобы своевременно выявлять тех, кто поддается идеологической обработке лучше всего; именно их затем предполагалось вовлекать в процесс управления, причём мерилка оценки такой пригодности совершенно неясны, а для самих кандидатов в стражи, даже при их полной добросовестности и искреннем стремлении преуспеть — неведомы;

- ◆ лишением непосредственных руководителей всякой возможности сознательно, с учетом известных и понятных постоянных ориентиров и критериев, строить свой карьерный рост и прикидывать виды на собственное будущее;
- ◆ лишением непосредственных руководителей реальных человеческих отношений с их избирательностью, нелицемерной преданностью, неформальным бескорыстием и впитанным с молоком матери чувством действительной, а не провозглашаемой на словах общности, сопричастности и солидарности;
- ◆ лишением руководящей деятельности всяких материальных стимулов ввиду обобществления имущества, жилья и даже семейных отношений;
- ◆ лишением руководящей деятельности всяких шансов на возможность передачи хотя бы каких-то достигнутых на ее поприще результатов по наследству, на возможность поделиться ими с родными и близкими;
- ◆ полным отсутствием перечня действий, однозначно относимых к недопустимым, и унифицированной, понятной системы наказаний: старшие наказывают младших по своему почину и усмотрению;
- ◆ фактическим произволом высшего руководства по крайней мере в двух весьма чувствительных сферах общественной жизни — по вопросу наделения в силу неких неясных обстоятельств частной собственностью тех, кому она, вообще говоря, никоим образом не положена, а также по вопросу возможности поднять руку на старшего — тоже неясно когда, почему и зачем, просто в силу приказа сверху.

Очевидно, что эта система стимулов, во-первых, провоцирует развитие далеко не лучших человеческих качеств, во-вторых — полностью оторвана от всех предыдущих систем такого рода. Те складывались в течение многих тысяч лет в естественных, возникших еще в доисторический период иерархиях: семье, роде, племени, протогосу-

дарстве, и потому в той или иной модификации впитались во все без исключения культуры и в самое естество человека. Подлинное функционирование новых мотиваций потребовало бы полной смены человеческой психологии.

А это вряд ли возможно. Во всяком случае, пока хваленый научный прогресс не осчастливил нас чипами в мозгах.

Здорово рассуждая, не приходится сомневаться, что в означенных условиях идея общественного блага — на преданности которой, собственно, всё и стоит — очень быстро стала бы пустым звуком и выродилась в объект постоянных словесных манипуляций, целью которых оказались бы в первую очередь лишь, снова говоря современным языком, аппаратные игры. Даже минимально приемлемая добросовестность работников с подобным психическим складом и подобной системой мотиваций реально может быть обеспечена только угрозой наказания, если попался, и стремлением угодить тому, кто наделен правом произвола; ни о какой работе не за страх, а за совесть тут вообще говорить не приходится.

Правда, в конце грандиозного сочинения всплывает идея загробного воздаяния за добродетели, которая в какой-то мере должна бы скомпенсировать явно существующую в идеальном обществе угрозу неизбежного выдавливания в несправедливость тех, кто призван оберегать справедливость. Но на фоне вышесказанного это выглядит слабым утешением.

Посмотрим, что предлагает в этом же смысле едва ли не два тысячелетия спустя Томас Мор.

Предлагает он на удивление мало. Хотя его Утопия в мелочах, быть может, наиболее разработана (указано, например, даже то, как и в каком порядке следует расставлять люльки с младенцами во время общих трапез), проблема мотивированности непосредственных управленцев, судя по всему, вообще не казалась Мору значимой.

Вы уже видите, насколько нет там никакой возможности для безделья... Никакого повода для подкупа, ни одного притона, ни одного тайного места для встреч, но пребывание на виду у всех создает необходимость заниматься привычным трудом или же благопристойно отдыхать⁷⁰.

...Весь остров — как бы единая семья⁷¹.

---

⁷⁰ Мор, 1978. С. 200.

⁷¹ Там же.

Воспитание бескорыстия, блокирующего возможности «для подкупа», судя по всему, сводится вот к чему:

Из золота и серебра не только в общих дворцах, но и в частных домах — повсюду делают они ночные горшки и всякие сосуды для нечистот. К тому же утопийцы из этих металлов изготавливают цепи и тяжелые оковы, которые надевают на рабов. Наконец, у каждого, кто опозорил себя каким-нибудь преступлением, с ушей свисают золотые кольца, золото охватывает пальцы, золотое ожерелье окружает шею, и, наконец, золото обвивает его голову. Так они всеми способами стараются, чтобы золото и серебро были у них в бесславии...⁷²

Кроме того, они собирают на берегах жемчуг, а на разных скалах — алмазы и рубины, однако не ищут их, а шлифуют попавшиеся случайно. Ими они украшают детей, которые в раннем возрасте похваляются такими украшениями и гордятся ими; когда же войдут немного в возраст и заметят, что такого рода забавы есть только разве у одних детей, они безо всякого напоминания родителей, сами по себе со стыдом откладывают их в сторону. Не иначе, чем наши дети, когда, подрастая, бросают они ...куклы⁷³.

А по вопросам более абстрактным царят слова — «благоразумие», «добропорядочность», «несправедливость», «благочестие», «долг человечности и доброты». Но обозначаемые ими обобщённые категории, если они лишены эмоционального наполнения, трудно отнести к мотивациям, срабатывающим с рефлекторной непреложностью. Можно на все лады произносить слово «долг» хоть тысячу раз — тот, для кого оно звук пустой, все равно чувством долга не проникнется.

... Следовательно, говорят они, приятную жизнь, то есть удовольствие как предел всех наших деяний, предписывает нам сама природа. Жить по ее предписанию — так определяют они добродетель⁷⁴.

...Счастье заключается не во всяком удовольствии, но в честном и добропорядочном⁷⁵.

---

⁷² Там же. С. 204.

⁷³ Там же. С. 204—205.

⁷⁴ Там же. С. 213.

⁷⁵ Там же. С. 212. Какие возможности одна эта фраза открывает перед теми должностными лицами, кто уполномочен отделять честные и добропорядочные удовольствия от нечестных и недобропорядочных — даже подумать страшно.

Соблюдать ...законы, заботясь о своей выгоде — дело благоразумия; думать, кроме того, о выгоде общества — признак благочестия. Однако похищать чужое удовольствие, гонясь за своим — несправедливо. И, напротив, отнять что-нибудь у самого себя и отдать это другим — как раз долг человечности и доброты; этот долг никогда не забирает у нас столько, сколько он возвращает нам назад. Ибо он вознаграждается обменом благодеяний, и само сознание благодеяния и воспоминание о любви и благорасположении тех, кому ты сделал добро, приносит душе более удовольствия, чем было бы то телесное удовольствие, от которого ты удержался. Наконец (в этом легко убеждает нас, охотно соглашающихся с этим, религия), за краткое и малое удовольствие Бог отплачивает огромной и никогда не преходящей радостью⁷⁶.

В общем, оказывается, что без религии — никуда. Вся обширная и мудрёная преамбула упёрлась в нее, как в единственную мало-мальски эффективную опору.

Душа бессмертна и по благодати Божией рождена для счастья, за добродетель и добрые дела назначена после этой жизни нам награда, а за гнусности — кара. Хотя это относится к религии, однако они считают, что к тому, чтобы поверить в это и признать, приведет разум⁷⁷.

...Одного только следует... опасаться: как бы меньшее удовольствие не помешало большему...⁷⁸

И напрямую об управленцах:

Каждые тридцать хозяйств ежегодно выбирают себе должностное лицо, которое на своем прежнем языке называют сифогрантом, а на теперешнем — филархом. Над десятью сифогрантами с их хозяйствами стоит человек, некогда называвшийся транибор, а теперь — протофиларх. Именно сифогранты, которых двести, поклявшись, что они изберут того, кого сочтут наиболее пригодным, тайным голосованием определяют правителя... ...От каждой из четырех частей города выбирается один, которого и советуют сенату. Должность правителя постоянна в течение всей его жизни.

---

⁷⁶ Там же. С. 214.

⁷⁷ Там же. С. 211.

⁷⁸ Там же. Имеется в виду, что мелкие посясторонние удовольствия, если они связаны с грехом, могут воспрепятствовать большому удовольствию за гробом, в жизни вечной — а рисковать так не станет ни один мало-мальски разумный человек.

Если не помешает этому подозрение в стремлении к тирании⁷⁹.

Кто хочет обманом получить какую-нибудь должность, лишается надежды на любовь. Живут утопийцы в любви, оттого что должностные лица не надменны и не страшны; их называют отцами, так они себя и держат. К ним относятся как подобает: почет оказывают добровольно, а не исторгают его насильно. Даже сам правитель отличается не одеянием или короной, а тем, что носит он пучок колосьев...⁸⁰

...Если благополучие... и погибель зависят от нравов должностных лиц, то можно ли выбрать кого-нибудь разумнее тех, которых нельзя отвратить от чести ни за какую мзду?⁸¹

Чиновников Утопии нельзя отклонить от исполнения долга никакой мздой по очень простой причине:

В других местах, если даже и говорят повсюду о благополучии общества, то заботятся о своем собственном. Здесь же, где нет ничего личного, утопийцы всерьез заняты делом общества... Ибо в иных местах каждому человеку известно, что если он сам о себе не позаботится, то как бы ни процветало государство, он все равно погибнет от голода; поэтому необходимость побуждает его прежде принимать в расчет себя, а не народ, то есть других людей. Наоборот, здесь, где все принадлежит всем, ни у кого нет сомнения, что ни один отдельный человек не будет иметь нужды, если только он позаботится о том, чтобы были полны общественные житницы⁸².

Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности. Какое множество бед отсекали они, какую жатву преступлений вырвали с корнем! Ибо кому не известно, что с уничтожением денег отомрут обманы, кражи, грабежи, раздоры, возмущения, тяжбы, распри, убийства, предательство, отравления, каждодневно наказывая которые, люди скорее мстят за них, чем их обуздывают; к тому же одновременно с деньгами погибнут страх, тревога, заботы, тяготы, бессонные ночи. Даже сама бедность, которой одной только, казалось, и нужны деньги, после полного

---

⁷⁹ Там же. С. 180—181.

⁸⁰ Там же. С. 237.

⁸¹ Там же. С. 239.

⁸² Там же. С. 273—274.

уничтожения денег тут же сама исчезнет⁸³.

Еще один корень пороков, помимо алчности — гордость. С ней тоже удалось разобраться.

...Чудище, наставник и правитель всякой погибели — гордыня. Она измеряет счастье не своими удачами, а чужими неудачами. ...Они [утопийцы — В. Р.] вместе с прочими пороками выкорчевали корни честолюбия и партий, над ними не висит никакой опасности пострадать от домашнего разлада...⁸⁴

«Выкорчевали» — звучит многообещающе.

В сфере наказания преступлений иных, нежели прелюбодеяние и незаконные добрачные связи (для тех разработана весьма сложная карательная система, о которой сейчас распространяться не время и не место), предусмотрена максимальная простота.

За остальные злодеяния никакой закон не предписывает никакого определенного наказания, но когда совершается какой-нибудь жестокий и непростительный поступок, то кару определяет сенат. Жен учат мужья, родители — детей, если только не допустят они такой большой вины, за которую положено там карать прилюдно. Почти все особо тяжкие преступления караются обычно осуждением на рабство⁸⁵.

И далее совершенно определено:

Законов у них весьма мало. Ведь людям с такими установлениями достаточно самых малочисленных законов. ...Каждый ведет свое дело сам и говорит судье то, что собирался рассказать защитнику. ...У утопийцев в законах разбирается каждый. ...Чем проще толкование закона, тем более справедливым они его считают⁸⁶.

То есть за проступки мелкие и средние оступившегося члена об-

---

⁸³ Там же. С. 276—277.

⁸⁴ Там же. С. 278.

⁸⁵ Там же. С. 235. То есть пожизненным отбыванием общественных работ, которое сопряжено с лично несвободным социальным статусом. Китайцы времен династии Тан даже в реальности были гуманнее, нежели выдуманные великим европейским гуманистом жители Утопии: предельным сроком тамошнего карательного порабощения были 3 года каторжных работ. При этом в уголовном кодексе Тан в первой же фразе статьи о каторге говорится: «Наказание каторгой есть порабощение. Это порабощение позорит [преступника]. ...Возлагают на них обязанность трудиться ...и вразумляют их. [Совершивших] тяжкие преступления отпускают через 3 года, [совершивших] средние преступления отпускают через 2 года, [совершивших] легкие преступления отпускают через 1 год» [Тан луй. Ст. 3. Уголовные, 1999. С. 78].

⁸⁶ Там же. С. 237—238.

щины по своему разумению вразумляет сама ячейка общества, практически не имея для определения тяжести вразумления формальной обобщенной основы. За преступления тяжкие — подобным же образом карает высший орган Утопии. Судят, похоже, не столько «по закону», сколько «по справедливости», «по правде», «по понятиям». А может, даже «руководствуясь классовым чутьем».

А с другой стороны:

Утопийцы отвращают людей от злодеяний не только страхом наказания, но и почестями, которые видны всем, они призывают к добродетелям. Мужам, которые знамениты своими особыми заслугами перед государством, в добрую память об их подвигах и для того, чтобы вместе с тем слава собственных их предков подстрекала и побуждала потомков к добродетелям, утопийцы воздвигают на площади статуи⁸⁷.

И в конце концов при описании богослужений подводится несколько неожиданный итог:

...Чтобы дети... не проводили в детских забавах то время, в которое им надлежит проникаться священным страхом к всевышним, потому что это главнейший и почти единственный путь к добродетели⁸⁸.

Таким образом, набор инструментов для создания соответствующего идеальному обществу идеального управленца невелик. При том, что в руках этих самых управленцев находится вся хозяйственная жизнь Утопии, комплекс идеальных управленческих мотиваций формируется всего лишь:

- ◆ постоянным пребыванием трудящихся утопийцев на глазах у других трудящихся утопийцев;
- ◆ бесплатным распределением;
- ◆ дискредитацией драгметаллов;
- ◆ отсутствием частной собственности и денег;
- ◆ надеждой отвести душу, освобождая кого-нибудь от какой-нибудь тирании;

---

⁸⁷ Там же. С. 237.

⁸⁸ Там же. С. 270. Слово «всевышние» употреблено во множественном числе, возможно, потому, что в Утопии Мора предполагался религиозный плюрализм. «Религии отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе. Одни почитают как бога Солнце, другие — Луну, третьи — какое-нибудь из блуждающих светил. Есть такие, которые предполагают, что не просто бог, но даже величайший бог — это какой-то человек, некогда отличившийся своею доблестью и славой...» (Там же. С. 255).

- ◆ этическими абстракциями;
- ◆ престижностью благих примеров прошлого, увековеченных в наглядной агитации;
- ◆ угрозой навечно лишиться права на занятие любой из должностей в качестве возмездия за предпринятую по собственной инициативе попытку какую-либо из них получить;
- ◆ непредсказуемостью и произвольностью внесудебных карательных санкций, при которых реакция уголовного права на неблагоприятные поступки или просто служебные промахи не прогнозируема;
- ◆ искоренением честолюбия (но при этом «утопийцы отворачивают людей от злодеяний не только страхом наказания, но и почестями, которые видны всем», то есть игрой на честолюбии, похоже, там все же пользовались; да и фраза «почет оказывают добровольно» намекает на то же);
- ◆ страхом Божиим.

Даже в самом лучшем случае управленцем движет здесь также единственно идея общего блага сама по себе, не подкрепленная и не конкретизированная ни какими-либо личными стимулами, ни каким-либо личностным творческим порывом.

И Кампанелла основные надежды на пробуждение людей к общественной деятельности, том числе — управленческой, возлагает всё на то же обобществление. Все соблазны аннулированы опять-таки простой и полной ликвидацией частной собственности.

Они [Солярии — В. Р.] утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине⁸⁹.

Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее⁹⁰.

И хотя общность жен и не установлена среди остального насе-

---

⁸⁹ Кампанелла, 1954. С. 45.

⁹⁰ Там же. С. 56.

ления, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них все общее⁹¹.

Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков⁹².

То есть деньги существуют для внешнего пользования. Внутренний обмен осуществляется путем простого административного распределения. Сразу хочется спросить попросту: кто и как пресекает внутренние валютные операции?

Важным ежедневным ритуалом (еще более важным, чем у Мора), являются общие трапезы.

Во время еды один из юношей с возвышения читает нараспев внятно и звучно по книге, а должностные лица часто беседуют по поводу какого-нибудь примечательного места из прочитанного⁹³.

Должностные лица получают большие и лучшие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей⁹⁴.

То есть опять-таки честолюбие все ж таки работает, гордыня как бы побеждена, но в то же время понятие почестей сохранило работоспособность. Это опасный зазор.

И второе: почему должностные лица отдают лучшие куски отличившимся детям? По велению ли души (но могут ли веления души быть столь системными, чтобы повторяться на каждой из трапез?), или в силу некоего правила, за нарушение которого что-то грозит? непонятно также, выделяются ли должностным лицам лучшие порции для них самих, а уж они вольны затем или премировать детишек за прилежание, или съесть лакомство самим, либо выделение им лучших кусков является лишь частью обязательного ритуала дальнейшего перераспределения их с целью премирования детей. Словом, этическая и церемониальная подоплека этой очень важной воспитательной функции (предназначенной для воспитания как ребенка, так и самого должностного лица) скрыта.

Другие факторы обеспечения добросовестности — это отрыв от

---

⁹¹ Там же. С. 45.

⁹² Там же. С. 85.

⁹³ Там же. С. 57.

⁹⁴ Там же. С. 58.

семьи, конкурентно-коллективистское воспитание, а также тщательное астрологическое обеспечение трудоустройства.

Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины... На седьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город. Но в большинстве случаев, родившись под одним и тем же расположением звезд, сверстники сходятся и по способностям, и по нраву, и по наружности, отчего проистекает великое согласие в государстве, поддерживаемое неизменной взаимной любовью и помощью друг другу⁹⁵.

Так как должность каждого определяется с детства сообразно с расположением и сочетанием звезд, наблюдавшихся при его рождении, то благодаря этому все, работая каждый в соответствии со своими природными склонностями, исполняют свои обязанности как следует и с удовольствием, так как для всякого они естественны⁹⁶.

Гордыня у них также побеждена.

Воспитанием в строго определенной, весьма суровой системе ценностей исполнительская добросовестность доведена до абсурда.

Самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. д. Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить, задю испражняться, а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюни, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную⁹⁷.

Скажи, пожалуйста, а не бывает ли в их среде зависти или досады у тех, кого не выбрали в начальники или на какую-нибудь дру-

---

⁹⁵ Там же. С. 64—65.

⁹⁶ Там же. С. 82.

⁹⁷ Там же. С. 69.

гую должность, которой они добивались? — Нисколько. Ведь никто из них не терпит никакого недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах⁹⁸.

По своим взаимоотношениям они представляются совершенно как бы членами одного и того же тела⁹⁹.

И при этом:

Должностные лица сменяются по воле народа¹⁰⁰.

То есть любая карьера может быть в любой момент прервана еще и народным волеизъявлением.

В результате:

Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь ...занятии, называется у них царем... Достоинно удивления, как все, и мужчины и женщины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю, не проявляя при этом ...никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата¹⁰¹.

Снова мы видим простодушную попытку установить отношения социальной субординации по образцу отношений субординации семейной, но при том — словно бы в беспамятстве. Откуда может взяться почтение к отцу или старшему брату там, где новорожденных сразу забирают начальники и начальницы, а сексуальных партнеров подбирают и сводят для контактов врачи и должностные лица?

Закрадывается подозрение, что вот откуда:

Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами¹⁰².

Для наблюдения за исполнением всех обязанностей ...приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказыв-

---

⁹⁸ Там же. С. 66.

⁹⁹ Там же. С. 99—100.

¹⁰⁰ Там же. С. 96.

¹⁰¹ Там же. С. 88.

¹⁰² Там же. С. 97.

вать бить нерадивых и непослушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спальню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся!¹⁰³

Кто следит за соблюдением последнего правила, какого рода горе ожидает уклоняющегося, кто и как определяет меру этого горя — не уточнено. Зато из приведенного описания делается выглядящий несколько парадоксальным вывод:

...Столько друзей, братьев, сыновей, отцов и матерей живут вместе в такой степенности, благообразии и любви¹⁰⁴.

Похоже, основной побудительной силой руководства со стороны руководителей и подчинения со стороны руководимых следует полагать именно взаимную любовь. И горе тем, кто от любви уклоняется¹⁰⁵.

Да и в целом:

...Они беспощадно преследуют врагов государства и религии, как недостойных почитаться за людей¹⁰⁶.

Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия¹⁰⁷.

На третий день... приговор вступает в законную силу, причем ответчик примиряется со своими обвинителями и свидетелями,

---

¹⁰³ Там же. С. 57.

¹⁰⁴ Там же. С. 58.

¹⁰⁵ Тут китаисту, конечно, сразу же вспоминаются идеи Мо-цзы (III в. до н. э.). «Если рассмотреть, откуда начинаются беспорядки, то оказывается, что беспорядки возникают оттого, что люди не любят друг друга. Слуга и сын непочтительны к государю и отцу. Что такое беспорядок? Это то, что сын любит себя, но не любит отца, поэтому во имя своей выгоды он наносит ущерб отцу; младший брат любит лишь себя и не любит старшего брата, поэтому он наносит ущерб своему брату, чтобы обеспечить выгоду себе... Если отсутствует взаимная любовь между людьми, то непременно появляется взаимная ненависть... Необходимо отдельную любовь, корыстную выгоду заменить всеобщей любовью, взаимной выгодой...» [Древнекитайская философия, 1994. Т. I. С. 192-193].

¹⁰⁶ Кампанелла, 1954. С. 75.

¹⁰⁷ Там же. С. 100. В уголовном праве династии Тан за тысячу лет до Кампанеллы эта идея была полностью реализована как принцип обратной ответственности (*фаньцзо* 友坐).

как с врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т. д.¹⁰⁸

Как и у Мора:

Законы их немногочисленны, кратки и ясны¹⁰⁹.

Но:

Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели. Палачей ...у них нет, дабы не осквернять государства. Иным дается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят Бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что дошли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однако же виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. Но если преступление совершено или против свободы государства¹¹⁰, или против бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно. И только такие преступники караются смертью. Повинный смерти обязуется перед лицом народа по совести объяснить причины, по которым, по его мнению, он не должен был бы умирать, объявить проступки других, заслуживающие смерти, и преступления властей, приведя доказательства того, что они заслуживают еще более тяжкого наказания... Однако выданных обвиняемых не истязают, а лишь делают им внушения¹¹¹.

Практических вопросов возникает тут просто море. Ну хоть вот: кто, как и с какой честностью ведет учет бездн конфиската, возникающих, когда «Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение»?

---

¹⁰⁸ Там же. С. 98.

¹⁰⁹ Там же. С. 100. Приходится лишь догадываться, до какой степени уже во времена Возрождения невоготу стали европейской цивилизации лойеры, коль скоро утописты один за другим, с тем же упорством, что и об отмене денег, мечтали и том, чтобы лишить их питательной среды. Увы, как и в случае с деньгами, базовые свойства западной цивилизации поволокли ее, наперекор мечте, в прямо противоположном направлении.

¹¹⁰ В свете всего вышеописанного упоминание о свободе особенно умиляет. Впрочем, если верить переводу с латинского, речь ведь идет о свободе государства... Возможно, в том числе — и о его свободе освобождать другие государства от тиранических режимов.

¹¹¹ Там же. С. 98—99.

Или: по каким критериям тех, кого народу надлежит побить камнями, выносящие приговоры должностные лица отличают от тех, кому они обязаны дать право самому лишиться себя жизни при помощи самоподрыва на мешочках с порохом? А если эти критерии расплывчаты или произвольны — нельзя ли тут поживиться во время принятия решений?

Конечно, в тексте сказано:

Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить¹¹².

Но как реально это отсутствие возможности достигается? Неужели единственно тем, что все общее? Разве пожива может быть только материальной? Как можно, например, сделать общими знания, почести и наслаждения — и не найдется ли как раз именно здесь очередной лазейки для того, чтобы порадовать себя, попытавшись по каким-то параметрам стать «равнее» остальных?

Можно сказать, что здесь мотивационная основа управленческой деятельности выглядит наиболее убогой и неубедительной. Ее составляют:

- ◆ Внедренная в сознание в процессе коллективистского воспитания гипертрофированная, самозабвенная исполнительность, полностью, похоже, заменяющая реальный интерес к своей работе, увлеченность своей работой, гордость своей работой;
- ◆ полное бескорыстие, обеспеченное отсутствием частной собственности, семьи и искоренением честолюбия (однако понятие «почестей», тем не менее, каким-то образом сохраняется);
- ◆ всеобщая любовь;
- ◆ назначение всех и каждого на ту работу, которая, согласно астрологическим прогнозам, для них наиболее естественна;
- ◆ надежда отвести душу, освобождая кого-нибудь от какой-нибудь тирании и затем ограбить освобождённых, передав их имущество в коллективное пользование Соляриям;
- ◆ постоянная угроза снятия с должности «по воле народа»;
- ◆ постоянный страх бессудного наказания неизвестной и непредугадываемой суровости, применяемого просто «в рабо-

---

¹¹² Там же. С. 45.

чем порядке»;

- ◆ чудовищная жестокость по отношению к тем, кто оказался признан «врагами государства и религии, недостойными почитаться за людей».

Подводя краткий итог, можно сказать следующее.

При отчаянной зарегулированности утопических миров, где едва ли не все происходило по воле начальства, с его ведома и под его контролем, предусмотренные для этих миров системы стимулов управленческой деятельности совершенно не способны были бы обеспечить мало-мальски качественных управленческих услуг.

Может быть, это утверждение прозвучит нелепо, напоминая подсчет количества ангелов, что могут поместиться на острие иглы, но невозможно отделаться от мысли: одной из самых серьезных причин неосуществимости подобного рода социальных конструкций является слабая, или вообще никакая мотивированность идеальных управленцев на добросовестное выполнение ими своих бесчисленных идеальных обязанностей.

Для всех утопий корпус управленцев явно предусматривался весьма многочисленный. Обязанности по руководству рядовым населением и контролю за ним, по производству материальных благ и по распределению их были нескончаемы, бесчисленны и разнообразны. Но при этом управленец нового типа, способный выполнять свои функции при той системе мотиваций, которая предусматривалась для него утопиями, никак не в состоянии был возникнуть в рамках старого мира и его традиций, ценностей и межчеловеческих отношений. Управленец, достойный утопии, мог быть выращен разве лишь в уже построенной утопии. Без нового управленца утопия не могла функционировать, но только невозбранно функционирующая утопия могла породить нового управленца.

При отсутствии всех реальных стимулов, сориентированных самоутверждением, честолюбием, творческим порывом, удовольствием от работы, заботой о родных и понимаемой максимально широко карьерой, набор мотиваций управленца не мог не свестись к всего лишь двум: во-первых, маниакальное, сродни вызванному гипнозом, стремление к некоему общему благу и, во-вторых, постоянный страх непредсказуемой кары. Работать эти факторы могли в лучшем случае лишь внутри «прекрасного нового мира», пока тот сохранял зомбированное единство и карающую силу; сделаться таким сам, самостоятельно, без давления извне, внутри обыденной реальности, управле-

нец принципиально был не в состоянии.

Для того, чтобы стать достойным стражем или сифогрантом, человек должен был быть с детства вырван с корнем, с кровью из реально существующей культурной традиции и погружен в новую, радикально отличную и созданную искусственно; но этой новой традиции не существовало нигде, и попытаться создать ее на руинах старой могли лишь те люди, которые сами-то были плоть от плоти этой старой традиции и культуры, просто против нее восстали. Первое поколение таких управленцев мотивировано исключительно собственным восстанием; их преемники повисают в эмоциональной пустоте.

Европейские утопии — это классические приглашения перемахнуть пропасть в два прыжка.

В значительной степени именно в силу данного противоречия всякая европейская попытка реализовать утопию требовала прямого насилия, вырождалась в прямое насилие и затем неизбежно приобретала характер по меньшей мере драматический. И в итоге приводила, как правило, к результатам, что оказывались абсолютно противоположны желаемым.

И второе.

Внутренний мир управленца, его духовный посыл, его творческая энергия, его личные, индивидуальные этические ориентиры совершенно выпадали из рассмотрения утопистов. Возможно, потому, что ко времени создания самих утопий бюрократия в Европе пребывала в зачаточном состоянии, и конструкторам идеальных обществ казалось, что для выполнения распоряжений вышестоящих нижестоящим достаточно лишь получить эти самые распоряжения, а дальше все решится само собой. Психология управленца не то что не волновала конструкторов идеальных миров; для них и проблемы-то такой не существовало. Чиновник, его переживания и его рутинная работа ни в малейшей степени не были встроены в общую этическую картину положительной социальной перспективы.

Однако это был существеннейший просчет.

Побудительными мотивами конструирования утопии являются два естественным образом присущие человеку стремления: избавиться от нежелательного и достичь желательного. Одно является продолжением другого.

Мало того, что управленцу ни в малейшей мере не был предложен его положительный, заманчивый, призывный образ. Но ведь для избавления от нежелательного человек исстари придумал методики

куда более эффективные, нежели переконструирование всего общества в целом. А именно — системы табу, комплексы освященных традицией запретов и в конце концов — уголовное право. В этом смысле уложения о наказаниях являются косвенным описанием приземленных, половинчатых утопий — уже существующие общества стараются достичь их как своих предельно позитивных, предельно благополучных состояний.

Однако не имея позитивного проекта, безукоризненного образа себя, принципиально невозможно придумать хотя бы единственный уголовный закон. Пока мордобой или расхитительство считаются в обществе нормой, никому и в голову не придет устанавливать за них уголовные наказания. Чтобы дойти до мысли об осуществляемом от лица государства возмездии за нанесение увечья или использование служебного положения в личных целях, правящая элита должна видеть в туманной дали впереди сообщество людей, которые не могут поднять друг на друга руку или стащить из вверенного общественного амбара меру зерна для голодного племянника. Вне выношенной данной культурой мечты о ее собственном идеальном состоянии, а стало быть, и об идеальных образах составляющих данное общество людей, невозможно придумать, за что карать, что отсекать угрозой наказаний и их применением.

Лишь за счет проработанного представления об идеале можно понастоящему тщательно и адекватно отградуировать степени вины за то или иное отклонение от него. Говоря проще, для того, чтобы сформулировать, как НЕ НАДО, прежде всего надо иметь более или менее панорамное представление о том, как НАДО. Только представление о том, как НАДО дает возможность предписывать, как НЕ НАДО.

Полагаю, что и вообще без выработанного собственной культурой целостного идеального представления о себе и своем обществе невозможно разработать эффективной системы уголовного права. Вне культурного проекта законотворчество начинает напоминать слона в посудной лавке, слепого и обезумевшего от комариных укусов. Он беспорядочно топчет своими серыми тумбами в ответ на каждый новый укол, но под ними лишь бесценный фарфор хрустит. Он понятия не имеет, кто и откуда кольнет его в следующую секунду. Торопливо принимаемые новые слоновьи законы то жестоко карают по пустякам, то оставляют практически без возмездия серьезные и разрушительные деяния. И всегда реагируют с опозданием. Потому что нет общей картины состояния, которого надо достичь.

Скажем, если бы мир Кампанеллы каким-то чудом вдруг оказался реализован, он непременно столкнулся бы с необходимостью силовыми методами пресекать уклонения от исполнения существеннейших, опорных для всей общественной морали действий. И, стало быть, в его уголовном уложении непременно должно было бы найтись место законам, предписывающим достаточно серьезные кары, например, для тех, кто, будучи признан виновным в чем-то серьезном, откажется обкладывать себя мешочками с порохом и сам просить себе смертного приговора (но как можно добавить наказание тому, кто и так обречён на эту жуткую смерть?), равно как и для тех, кто не станет при этом стоять вокруг места казни, уговаривать несчастного умереть достойно и при том плакать от сострадания к нему же.

Понятно, что описанное Кампанеллой нормативное поведение противоречит всему, что мы знаем о естестве человека, и стало быть, для нормальных людей искреннее его исполнение невозможно; оно исполнялось бы в итоге ТОЛЬКО под страхом наказания, стало быть, провоцируя массовые уклонения от его исполнения, калеча души всем реально способным к состраданию людям и превращаясь в лицемерный фарс. Исполнять эту мерзость легче всего было бы подонкам; порядочные люди бежали бы от нее, как могли, и раньше или позже все либо стали бы подонками, либо оказались виноваты и, в свою очередь, подверглись карам. Уже одно это доказывает полную ирреальность предлагаемого мира. Ведь никакой прагматической социальной ценности, никакой осмысленной результативности все эти колоссальные усилия по принуждению не имели бы.

Но зато какой простор они предоставляют для произвола со стороны тех, кто обеспечивает исполнение этих противоестественных, идущих наперекор всякой реальной психологии и культуре требований! Тех, кто следит за своевременностью и интенсивностью уговоров взорваться и рыданий по поводу необходимости совершать эти уговоры, тех, кто выясняет причины неисполнения столь важного общественного долга (по болезни, в состоянии аффекта, по злему умыслу, по предварительному сговору в составе группы лиц) и определяет наказания за такое неисполнение! Коррупционная составляющая законов, требующих от человека выворачиваться наизнанку, везде и во все времена равна ста процентам.

Оставив в практически полном небрежении образ идеального управленца и то, что этим управленцем движет, ради чего он живет, что его вдохновляет и что обескураживает, европейская утопия лиши-

ла себя столь мощного средства помочь человеку побеждать соблазны, как уголовное право. Неспроста все упоминания о наказаниях в утопиях носят столь общий, столь аморфный характер. Ни разу не упомянуты специфические и специально для чиновников предназначенные меры пресечения. Нет ни единого упоминания о том, что деятельность управленца должна или хотя бы может регулироваться некими особыми, не имеющими касательства к рядовым гражданам нормами — потому что, собственно, и за самой этой деятельностью не признано никакого своеобразия. Назначали, выбрали — делай. Что делай, как делай, чего ради делай — непонятно. Ради общего блага, и точка. А следовательно, непонятно и то, когда, за что и при каких условиях управленца можно упрекнуть в том, что он психологически или поведенчески не соответствует своему назначению и положению.

Сложившийся и возобладавший в культурной традиции образ правильной жизни обеспечивает статистическое доминирование надлежащих, уважаемых, одобряемых намерений и действий. Формирует работоспособную сердцевину реальности. Уголовное право отсекает от этой сердцевины все лишнее, все уродливое. Если нет сердцевины, лишнее не от чего отсекать.

А это, собственно, значит, что в зависимости от настроения или индивидуальных представлений вышестоящего начальника отсекать можно все, что угодно.

Последующее усложнение системы государственного управления и развитие бюрократии свалились на Европу, как снег на голову. В ее этической картине мира не было места для кадрового управленца. Идеалисты предшествующих веков не озаботились тем, чтобы предложить управленцу какие-то его собственные, специальные «плохо» и «хорошо». Чиновнику не показали ни манящих его грез, ни его отвратительных образин. И лишь пробуждение национализма, по времени совпавшее со складыванием первых бюрократий мало-мальски современного типа, частично скомпенсировало этот пробел, кое-как заполнило этот вакуум: штатные бюрократы получили возможность ощутить себя пусть хоть и бледными, но все же подобиями таких блистательных *enfants de la Patrie*, как, скажем, гусары. Возможно, это совпадение по времени не случайно; если бы усложняющиеся государственные образования не принялись апеллировать к народным чувствам, не стали бы провозглашать себя прибежищами и детищами живущих в них наций, бюрократу и управленцу, не предложи ему роль патриота, в его новом количестве и качестве просто не для чего оказалось бы

работать.

Ну, разве что для себя и своего кармана — но как раз о том-то и речь.

Возникающее то тут, то там и кажущееся порой необъяснимым и гротескным мракобесием искусственное нагнетание официальной пропагандой национализма (зачастую — в его самых архаичных и нелепых формах) может с этой точки зрения трактоваться всего лишь как более или менее инстинктивно предпринимаемая попытка высшей власти повысить мотивированность, а следовательно, и эффективность своего управленческого аппарата. Попытка, надо сразу сказать, в современном мире отнюдь не обязательно результативная, но всегда чреватая опасными осложнениями. Попытка сродни акту отчаяния. Если кроме вымученной национальной гордости, а то и, не дай Бог, исключительности вообще уже ничего не найти за душой, остается хвататься лишь за эту ядовитую соломинку.

В многонациональных же, и тем паче — в мультикультурных конструкциях без некоей интегрирующей мобилизационной светской идеологии¹¹³ дееспособная бюрократия, похоже, вообще немислима. Достаточно вспомнить уже ставшие притчей во языцех неэффективность, неповоротливость и дороговизну громадного и неудержимо растущего бюрократического аппарата единой Европы, работающего скорее для самого себя, нежели для составляющих Европу стран. Ну, а о современной российской бюрократии и об уровне ее эффективности лучше и вообще по возможности не вспоминать, чтобы с тоски не опустились руки.

---

¹¹³ Я называю мобилизационными такие идеологии, в которых по тем или иным причинам будущее мыслится важнее настоящего, общее — важнее личного и праведность — важнее успешности. В значительной степени они являются секуляризованными производными от соответствующих религий спасения, пусть даже архаичных, переходных (таких, скажем, как культ предков, где понимаемое весьма примитивно спасение умершего является результатом праведного, нормативного отношения его еще живущих потомков к его памяти, его праху и его душе). Можно заметить, что неперенным атрибутом всех такого рода идеологий является краеугольный постулат «жизнь имеет смысл». То, каков именно этот смысл, есть ядро любой мобилизационной идеологии; именно представление о смысле отличает их одна от другой. А стоит смыслу оказаться размытым или дезавуированным, остальные максимы умирают и от идеологии остается лишь набор мертвых фраз и пустых процедур. Именно в силу своей секуляризованности мобилизационные идеологии способны объединять людей, принадлежащих к различным религиям и порожденных различными религиями различным светским культурам; прижизненные ценности и ориентиры более или менее совпадают, а их специфические религиозные обоснования элиминированы, усечены или вовсе отсечены, и потому не способны служить источниками разобщения.

Проблема перспективы

Попробуем представить две семьи, живущие в пустыне. Обе — вполне славные, любящие, крепко спаянные, исполненные родственной любви и уважения. Да и друг к другу семьи относятся доброжелательно, по-соседски. Не без соперничества, конечно, не без шумных споров и едких подтруниваний, не без стычек на межах. Живые же люди, как иначе?

У них один родник на двоих.

И вот родник начинает пересыхать.

А может, просто дети подросли, и сами уже становятся родителями, и той воды, что раньше хватало, теперь не хватает.

Вопрос: как без насилия, без колючей проволоки, без КПП, где каждый должен под дулом автомата предъявлять талон на свою жалкую суточную норму, без призывов к толерантности и прочих пустых словес добиться того, чтобы семьи не перессорились, не начали ненавидеть друг друга и друг другу вредить, а напротив, стали бы еще сплоченней и доброжелательней одна к другой?

Ответ только один: подать им идею выкопать колодец, где воды хватит на всех.

Значит — такой большой колодец, такой глубокий, что отрыть его можно лишь предельным напряжением всех сил всех членов обеих семей. Вот тогда они примутся пылинки друг с друга сдувать — и не на словах, а на деле, в поту и грязи. Ведь каждая пара рук на счету. И их товарищество будет длиться, уж во всяком случае, до того момента, пока сохраняется надежда и впрямь докопаться до воды.

Конечно, когда колодец будет выкопан или, тем более, когда выяснится, что воды так и нет, междусемейная конкуренция может вспыхнуть сызнова. И даже внутрисемейная. И даже вражда не исключена. Но, может, и нет. Может, за это время они все так сроднятся, что затем даже в случае всякого рода неприятностей их все равно уже не поссорить. А может, кто-то из них, пока суд да дело, откроет методику опреснения воды из близлежащего океана, и им всем вместе снова придется засучить рукава и строить опреснительную станцию...

Проблема наличия или отсутствия положительной перспективы — личной и общей — имеет самое прямое отношение к проявлению человеком и общностью людей своих самых положительных и самых отрицательных качеств.

Чтобы иметь силы противостоять собственной апатии и собственному эгоизму, как отдельному человеку, так и обществу, стране,

нужно куда-то расти. Когда те общие усилия, обеспечению которых призваны служить лучшие индивидуальные качества (бескорыстие, верность, самопожертвование ради общего блага, духовная и профессиональная активность, целеустремленность), способны приносить плоды, эти качества действительно могут самовоспроизводиться в обществе. Если же объективная ситуация лишает общество шанса на рост, развитие, подвиг, если появляется отчетливое ощущение того, что все усилия тщетны и ничего более нельзя создать, можно лишь так или иначе цепляться за уже созданное (тем более — созданное другими), то эмоционально мнящим и престижным становится не свершение, а стяжание.

Когда исчезает ощущение перспективы, любые личные усилия превращаются в чистое насилие над собой и быстро затухают, завершаясь полной апатией, а то и иррациональной агрессией. А усилия государственные превращаются в рутину, а то и в рутинный произвол, утрачивая вдохновляющий смысл последовательных шагов в бескрайний простор. Когда достигнут и пройден предел роста, следование идеалам и предполагаемым ими добродетелям теряет наглядную эффективность, окрыляющую результативность, притягательную плодотворность. Любая неэгоистичная деятельность теперь может совершаться лишь из-под палки. Любая идеология формализуется и мертва. Ее одухотворяющее воздействие сходит на нет. Ее ритуалы превращаются в фарс.

Простейшим видом обретения государством перспективы является территориальная экспансия, но рост подвластного пространства и населения отнюдь не исчерпывает перечня видов роста, способных придавать смысл индивидуальной и коллективной жизни.

С подобного рода тупиком, сколько я понимаю, столкнулся в свое время Рим. Пока республика, а затем империя, шла вперед, пока защищалась от агрессии более развитых соседей, пока побеждала и объединяла народы, при всех хорошо известных издержках знаменитые римские добродетели работали. Когда окружающий мир уперся и перестал пускать империю дальше, когда установилось равновесие, римская элита начала от бессмысленности бытия впадать в апатию или куролесить кто во что горазд. Да и не только элита¹¹⁴.

Новую перспективу открыло христианство.

---

¹¹⁴ «...Невероятный произвол власти, выражающийся и в бесконтрольности императоров, и в достигшей воистину фантастических размеров коррупции аппарата, и в системе всеобщего закрепощения» [Васильев, Фурман, 1974. С. 457].

Оказалось, что все лучшие человеческие качества могут принести результат не только и не столько в мире сем, сколько в мире горнем. Положительная перспектива обнаружилась за гробовой доской. Открылся совершенно новый сияющий простор, который можно было покорить, только проявляя максимум веры, верности, честности, стойкости, бескорыстия и братской любви. Стремление в этот простор создало европейскую цивилизацию.

Секуляризация и Просвещение если не лишили Европу потустороннего простора, то во всяком случае серьезно поставили его под сомнение. Перспектива оказалась на грани закрытия. В этом тупике возник галантный век с его рационализмом, торжеством изящно упакованного себялюбия, беззастенчивой корысти, безудержной похоти и ядовитого, порой — откровенно злобного ерничанья надо всем, что было святынями в течение почти двух тысяч лет.

Но с поразительной своевременностью практически именно в это самое время европейская цивилизация выдвинула совершенно новую концепцию истории. Согласно ей история не есть топтание на месте или бег по кругу, но поступательный и, что самое существенное — в значительной степени управляемый процесс восхождения из мира менее совершенного в мир более совершенный. Перспективой стал отныне не загробный рай, но посюстороннее светлое будущее.

Стоит предложить некий вариант будущего общественного устройства, с той или иной степенью убедительности доказать желательность и возможность его построения — и, буде найдутся люди, для которых это будущее окажется эмоционально притягательным, люди, что захотят общими усилиями попытаться достичь его, все они окажутся братьями по новой вере, дающей, как и всякая чисто религиозная вера, столь необходимый индивидууму надындивидуальный смысл бытия. Лучшие человеческие качества снова востребованы. А если брат поведет себя по отношению к брату аморально, новый бог накажет: желаемое всеми братьями будущее может не сбыться.

Не приходится удивляться тому, как скоро и уверенно старые утопии пропитали все предлагавшиеся в XIX-XX веках идеальные модели сознательно конструируемого будущего. Давние мечты и, не побоюсь этого слова, мании культуры никуда не делись за прошедшие века и зажили в якобы рациональных моделях новой жизнью — хотя в каждой из них по-своему.

Ныне все эти модели безвозвратно скомпрометировали себя. Ни одной общей перспективы, манящей хоть сколько-нибудь значитель-

ное число людей, снова не осталось. Их предлагают, как встарь, лишь традиционные религии, но их роль и влияние в нынешнем обществе, что ни говори, радикально отличны от средневековых.

Снова, как бывало уже не раз, человеку не для чего быть бескорыстным, самоотверженным, верным; все эти качества опять не приносят ему ни радости, ни выгоды, ни престижа, ни любви окружающих; но самое главное — они объективно безрезультатны. Потому что нет ни малейшего общего представления о результате как таковом. Столь желанный ныне для каждого личный успех есть стремление хоть и одинаковое, но не общее. Одинаковое стремление порождает конкуренцию. Сотрудничество порождается лишь стремлением общим.

В этих условиях говорить о добросовестности и бесребреничестве управленца просто смешно. Управленец, во-первых, такой же человек, как и все остальные, член того же общества, что и те, кем он управляет. И вдобавок его положение неизбежно сулит куда больше соблазнов; для их преодоления требуется куда больше бескорыстия, самоотречения, верности долгу и увлечённости общим идеалом, реализация которого и являлась бы первой и главной наградой и корыстью.

И вот уже от постылой бесцельности немало славянских и западноевропейских голов мечтательно кружатся от совершенно им чуждой и не имеющей ничего общего с хвалёным западным гуманизмом идеи всемирного халифата. Люди не могут без альтернативы застойной обыденщине. Особенно если эта альтернатива предлагает хоть какой-то общий смысл, а следовательно — обещает вернуть ставшему свободным уже до полного одиночества человеку братьев, ради которых сладостно и почетно и жить, и жертвовать собой.

И тогда европейская цивилизация, бессильно ощущая, что пора бы и самой что-то снова предложить, пытается подать голос.

Оказывается, люди делятся на тех, кто мыслит правильно и на тех, кто мыслит неправильно. Мышление одних «объективно приводит к кризисному состоянию цивилизации и служит его обострению», а мышление других — «способно вывести цивилизацию из кризисного состояния и дать надежду на построение гармоничного человеческого общества».

В итоге появляются носители «разных мышлений», образуя как бы разные популяции людей, которые при внешнем сходстве принципиально отличаются друг от друга. Что-то подобное кро-

маньонцам и неандертальцам, которые продолжительное время существовали одновременно, но относились к разным подвидам *homo sapiens* и враждовали друг с другом¹¹⁵.

Правда, автор, почувствовав, куда его занесло, торопливо оговаривается:

Это различие не становится, разумеется, наследуемым качеством мышления и поэтому не может стать даже в малейшей степени основанием или оправданием для дискриминации, расизма или геноцида (но надо признать, что будучи отягощенным предрассудками и невежеством, именно это состояние и приводит реально к дискриминации, расизму и геноциду!), но в каждый данный момент это различие — объективный природный факт!¹¹⁶

Лекарство, однако, оказывается горше болезни. Эта оговорка лишь усиливает ощущение жути. Во-первых, из нее непреложно следует, что «в каждый данный момент» убогость мышления низшей расы все же может служить основанием для геноцида. А во-вторых, она тут же подбрасывает ему и оправдание: ведь это будет не геноцид, а защита от геноцида, потому что к геноциду-то приводит как раз этот низший тип мышления! Знакомый зачин знакомой песни: мы никогда не нападаем первыми, но из соображений гуманизма и в целях уменьшения количества жертв наш справедливый ответный удар обязательно должен быть упреждающим...

Сосуществование людей с разными типами мышления автор аккуратно называет «состоянием интеллектуальной несовместимости».

Гармонизировать их отношения нельзя до тех пор, пока мышления остаются различными. ...Разрешение всех существующих между людьми противоречий ...зависит только от того, удастся ли людям найти и внедрить единую ...форму мышления для жителей всей Земли, которая выше и названа полноценным мышлением¹¹⁷.

Зачистка планеты от неполноценно мыслящих и внедрение единой формы мышления для всего человечества предлагается, таким образом, в качестве модели очередного светлого будущего.

Относить к неполноценно мыслящим автор предлагает тех, кто

---

¹¹⁵ Цаплин, 2009. С. 161. В разделе «Наши авторы» о В. Цаплине говорится следующее: «Род. в 1941 в Москве. Окончил физический факультет МГУ. Работал в НИИ ядерной физики МГУ. С 1991 года живет в США».

¹¹⁶ Там же. С. 162.

¹¹⁷ Там же. С. 166.

даже в постиндустриальном мире продолжает ощущать себя принадлежащими к какой-то нации или придерживаться какой-либо религии¹¹⁸.

Полноценное же мышление характеризуется:

...Рациональной, связной, единой, адекватной физическому миру основой, непредвзятым анализом достоверных причин складывающихся ситуаций, рассмотрением явлений как звеньев в цепи рациональных причинно-следственных связей, критическим отношением к стереотипам мышления и поведения, способностью к глубокому абстрагированию, сложным ассоциативным связям...¹¹⁹

Другими словами, в качестве первого и абсолютно необходимого условия — полным разрывом с традицией.

Новый человек может быть создан, только будучи с корнем и кровью вырван из своей культуры. Как у Платона, Мора, Кампанеллы...

Очередное преодоление человека по Ницше.

Буквально с дрожью я представляю себе систему ценностей, стимул к коллективной деятельности, основу братства, построенные на стремлении достичь вот такого светлого будущего. А уж от самого этого братства просто оторопь берет. Если же попробовать вообразить себе еще и управленца, мотивированного идеей принадлежности к полноценно мыслящей части человечества, тогда как все, кто вверен его попечению, мыслят неполноценно...

Я взял эту небольшую статью лишь в качестве примера. Подобные взгляды сейчас распространятся все шире.

Вот, скажем, наделавшая много шума статья Роберта Купера, наставника бывшего премьера Великобритании Тони Блэра по вопросам внешней политики — «Почему нам все ещё нужны империи?» В ней, в частности, говорится:

Постмодернистский мир должен начать привыкать к двойному стандарту. Между собой мы должны оперировать на основе закона и открытого сотрудничества в области безопасности. Но имея дело со старомодно организованными государствами за пределами постмодернистского континента Европы, мы должны возвращать-

---

¹¹⁸ Там же. С. 164-165.

¹¹⁹ Там же. С. 160. Если перевести все это пиршество духа на обыденную речь, получим: уехал в Америку — стало быть, мыслишь полноценно. Непредвзято, адекватно физическому миру, с глубоким абстрагированием, критически к стереотипам... ну, и так далее.

ся к более жестким методам, применявшимся в более раннюю эпоху — силе, упреждающему удару, обману — всему тому, что необходимо во взаимоотношениях с теми, кто все еще живет в мире XIX века. В своей среде мы должны придерживаться Закона, но когда нам приходится действовать в джунглях, мы должны использовать законы джунглей. ...Вызов, брошенный досовременным миром государств-неудачников, является для нас новым. Досовременный мир есть мир, в котором потерпевшие крах государства лишились законного права на использование силы или монополии на нее; часто они лишились и того, и другого. ...Самый логичный способ иметь дело с хаосом — и этот способ неоднократно применялся в прошлом — это колониализм. Но он неприемлем для постмодернистских государств. Империя и империализм — это слова, которые превратились в нечто вроде ругательства, и ни одна колониальная держава не согласится пойти на это, хотя возможность — и даже, пожалуй, необходимость — для колонизации присутствует сегодня ничуть не меньше, чем это было в XIX столетии. ... То, что нам нужно — это новый вид империализма, который сочетается с правами человека и с космополитическими ценностями¹²⁰ ...

Другими словами, то, что люди спокон веку собирательно называем «порядочностью» и «человечностью», может и должно применяться лишь в отношении тех, кто роет один с автором статьи колодец (правда, на поверку он, похоже, оказывается скорее ловчей ямой). Все иные роют не те колодцы, примитивные, неправильные, и, стало быть, сами неполноценны. Так что с ними церемониться... Империализм с правами человека — это похлеще социализма с человеческим лицом.

Как там было у Кампанеллы? Напомню:

...Они беспощадно преследуют врагов государства и религии, как недостойных почитаться за людей¹²¹.

Без малого полтора века назад Герберт Уэллс в знаменитой «Машине времени» описал мир, в котором социальный прогресс расчле-

---

¹²⁰ Cooper, 2002.

¹²¹ Кампанелла, 1954. С. 75. Только вместо религии ныне — самоупоеание постмодернистского мира, а вместо отдельного государства — евро-атлантический ареал, противопоставляемый остальному человечеству. Хотя спровоцированные Сноуденом разоблачения и скандалы показывают, что и по отношению к собратьям по колодцу порядочность не очень-то соблюдается. И это абсолютно закономерно. Стоит лишь начать делить людей на первый, второй и прочие сорта, как раньше или позже — и скорее раньше — непременно приходишь к выводу, что первосортен только ты сам.

нил род людской на две расы: элоев и морлоков. Тогда это воспринималось как жутчайшая антиутопия.

Опробовав в качестве моделей светлого будущего коммунизм, ради которого население следовало чистить по классовому критерию, нацизм, при котором фильтровать надлежало по критерию расы, и либерализм, сепарирующий человечество по критерию полноценного и неполноценного мышления, кальвинизмом вброшенному в европейскую культуру в качестве побочного продукта¹²², современная цивилизация, доводя излюбленный ею третий вариант до абсурда, начинает предлагать в качестве заманчивой общей цели давно известный кошмар. Утопия и антиутопия поменялись местами.

Евро-атлантическая мысль пошла по кругу.

Конфуцианский вариант

В силу факторов в первую очередь чисто природного характера Китай очень рано познал многие плюсы и минусы реальной бюрократии.

Исстари объективно обусловленная необходимость объединять разнородные и слаженные трудовые усилия больших коллективов людей¹²³ сделала неизбежным возникновение достаточно обширной прослойки низовых непосредственных руководителей, координаторов этих усилий. Затем, по мере развития подконтрольной государству экономики, понадобилось координировать уже самих координаторов. Платон еще придумывал своим стражам обязанности по строгому контролю над поэтами, а в Китае уже начинали представлять себе, что такое бюрократический аппарат, от которого зависит и снабжение населения продовольствием, и возведение водозащитных сооружений, и поддержание в надлежащем состоянии сухопутных и речных коммуникаций невообразимой для Греции протяженности.

История китайских утопий правления, утопий преобразования сущей действительности в должную насчитывает не меньше веков, чем история утопий европейских. Конфуцианский вариант этих утопий, которому суждено было оказать решающее влияние на всю бу-

---

¹²² Впрочем, и все сами эти критерии, в свою очередь, являются лишь исторически обусловленными метаморфозами исстари пропитавшей авраамические цивилизации парадигмы «избранного народа» (אֱלֹהֵינוּ, *ам сгулла*). Каких только форм она не принимала, словно из сосуда в сосуд перетекая из эпохи в эпоху и из страны в страну на протяжении трех тысячелетий!

¹²³ Не могу лишней раз не напомнить, что — не рабов, но рядовых лично свободных подданных, привлекаемых для выполнения общественных работ посменно, вахтовым, так сказать, методом.

душность страны, начинается с «Лунь юя» («Бесед и суждений») — одного из основополагающих текстов конфуцианского канона. Считается, что «Лунь юй» состоит из записей высказываний Конфуция, уже по памяти сделанных его учениками после смерти учителя. Современная «Древнекитайская философия» характеризует это произведение так:

«Лунь юй»... является единственным произведением китайской классической литературы, которое более или менее непосредственно передает взгляды Кун-цзы — так в Китае называют Конфуция...¹²⁴

Время создания «Лунь юя» — V в. до н. э.

Уточнено и развернуто представление о том, каким должен быть в государстве надлежащий порядок, в ином произведении конфуцианского канона — в «Ли цзи» («Книге установлений»). Этот источник представляет собой изложение соображений Конфуция по различным вопросам, сделанное его последователями уже значительно позже. У «Ли цзи» нет ни единого автора, ни даже единой группы авторов. Труд был написан разными людьми и в разное время, в основном с IV по I в. до н. э. Сформулированные в «Лунь юе» и «Ли цзи» представления об идеальном управлении в дальнейшем не подвергались сколько-либо существенному пересмотру¹²⁵.

При первом же взгляде на конфуцианский социальный идеал поражает прежде всего лаконизм его описания, его приземлённость и скромность сформулированных в нем запросов. Нам, европейцам, привыкшим, что надо не улучшать мир, а попросту раз за разом заменять очень плохой мир очень хорошим, конфуцианский идеал и утопией-то трудно назвать. Но, по всей видимости, для Конфуция и его последователей это было не так. Ведь даже то абсолютное правило морали, которое много веков спустя стали называть золотым, великий Учитель Китая мотивировал всего лишь заботой о вполне реалистичном и мирном социальном упорядочении.

Стоит лишь сравнить:

Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали, так поступай-

---

¹²⁴ Древнекитайская философия, 1994. Т. I. С. 139.

¹²⁵ Значительно более подробное изложение истории развития конфуцианских утопических представлений в последующие эпохи, где, наряду с утопиями правления, проанализированы, например, и так называемые утопии бегства, можно найти в блестящей статье А. С. Мартынова «Конфуцианская утопия в древности и средневековье» (Мартынов, 1987).

те и вы с ними; ибо в этом закон и пророки¹²⁶.

Не делай другим того, чего не желаешь себе. И тогда не будет обиженных ни в государстве, ни в семье¹²⁷.

В тексте «Лунь юя», там, где в русском переводе сказано «обиженных», стоит иероглиф *юань* 怨. Это не просто «обида». Это едва ли не всеобъемлющий комплекс всего негативного, разобщающего: «обида», «зло», «вред», «злоба», «враждебность», «ненависть», «возмущение»¹²⁸. Отсутствие *юань* в семье — это благоденствие родного дома. Отсутствие *юань* в стране — это благоденствие родного края. И для того, чтобы такое состояние оказалось достигнуто, нужно всего-то лишь вести себя по отношению к окружающим так, как ты хотел бы, чтобы они вели себя по отношению к тебе. Уже из этого короткого высказывания видно, какое громадное значение придавал Конфуций этической правильности межчеловеческих отношений; посредством одной лишь их гармонизации можно добиться гармонии всего социума. Ни закон, ни пророки, если верить Конфуцию, тут не нужны. Достаточно всего лишь заботливого семьянина.

Более подробно представления об идеальном обществе изложены в одном из наиболее известных пассажей «Лунь юя», посвящённом тому, как размышлялись Учитель и два его ученика.

Янь Юань и Цзы-лу стояли около Учителя. Учитель предложил: «Пусть каждый из вас расскажет о своих желаниях». Цзы-лу сказал: «Я бы хотел, чтобы мои друзья совместно со мной пользовались [моими] колесницами, лошадьми и халатами на меху. И я бы хотел не сердиться на них, когда они что-нибудь испортят». Янь Юань сказал: «Я не хотел бы выставлять напоказ своих достоинств и распространяться насчет своих заслуг». Цзы-лу сказал: «А теперь мы хотели бы услышать о желаниях Учителя». Учитель сказал: «Я хотел бы, чтобы старые могли жить в покое, чтобы друзья доверяли друг другу и чтобы было кому заботиться о малых детях»¹²⁹.

Воистину — скажи мне, о чем ты мечтаешь, и я скажу тебе, кто ты.

Цзы-лу — славный и не очень далекий человек, пределом мечтаний которого является не раздражаться на друзей при совместном

---

¹²⁶ Матф. 7:12.

¹²⁷ Лунь юй. 12—2. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 288.

¹²⁸ Большой китайско-русский словарь, 1983—1984. Т. 4. С. 894.

¹²⁹ Лунь юй. 5—26. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 240—241.

пользовании имуществом. Он честно хочет быть щедрым и бескорыстным, но сам чувствует, что не вполне готов к этому; пока его вещи возвращаются к нему в целостности-сохранности, он еще может оставаться безмятежен, но перспектива увидеть на своей колеснице не им самим оставленную царяпину настолько ему неприятна, что он ни много ни мало — просто-таки мечтает не испытать при этом раздражения. Это — образец доброго подданного-простолюдина, нуждающегося в этическом и организационном руководстве.

Янь Юань не мечтает иметь достоинства и добиться заслуг. Он внутренне убежден, что и так уже имеет достоинства и, стало быть, заслуги не за горами. Это немаловажная составляющая характера хорошего руководителя — отнюдь не зазорно, и даже, говоря по совести, необходимо управленцу быть уверенным в своих силах, а потому ожидать признания спокойно, не прикладывая никаких усилий специально для того, чтобы его добиться. Всё, чем Янь Юань озабочен — это тем, чтобы не скатиться до тщеславия. Делать свое дело наилучшим образом — но при том предоставить окружающим судить о своей персоне не по личным этой персоны достоинствам, а по реальным делам, по уже достигнутым в ходе проявления достоинств объективным результатам. Иметь заслуги — но самому их как бы не замечать. Это идеальный управленец — верящий в себя, эффективный и бескорыстный исполнитель верховной воли.

И наконец Конфуций, который только и достоин быть этой самой верховной волей. Потому что его мечта — благоденствие всей Поднебесной. Он вмещает в заботливом и сострадательном сердце своем всю страну.

И в чем же заключается чаемое им благоденствие, каков ожидаемый результат его заботы?

Ничего противоестественного. Ничего экстравагантного. Ничего нарочито выдуманного. Ни слова об организационных частностях — они решатся в рабочем порядке. Все — о состояниях, по большей части — состояниях внутренних, духовных, которые будут достигнуты тогда, когда частности окажутся улажены и решены. О них, об этих состояниях, собственно, мечтают все нормальные люди — только каждый для себя или, в лучшем случае, для своих ближайших родственников. Старики мечтают о своем, мужчины, находящиеся в расцвете сил, на пике деятельного возраста — о своем, и дети — о своем. Мечта Конфуция интегрирует частные мечты всех, и не более того. Его мечта — просто объединенная мечта всех. Спокойная старость, дове-

рие между теми, кто занят общим делом, и сытые дети под присмотром. Вот и всё.

Но для того, чтобы эта мечта могла быть реализована, все подданные должны стать такими, как Цзы-лу, и все служащие государственного аппарата — такими, как Янь Юань. Тогда-то и решатся любые проблемы.

Анализируя этот пассаж «Лунь юя», А. С. Мартынов писал:

...Текст имеет сложную и продуманную композицию, которая с содержательной стороны представляет собой трёхступенчатое восхождение на пути этического самосовершенствования. Все трое начали этот путь, ибо преодолели вульгарную корысть — фактор, которому конфуцианство придавало первостепенное значение¹³⁰...

Полное равнодушие человека к результатам своей деятельности, в том числе для него самого, и вульгарная корысть — это совсем не одно и то же. Незаинтересованность в общем и личном будущем делает человека плохим управленцем. Но «вульгарная корысть» делает его управленцем еще худшим, и поэтому она должна быть преодолена. Более того — именно неподдельная озабоченность результатами деятельности является одним из лучших лекарств от вульгарной корысти. Человек, ориентированный на реальный общественно ценный результат, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВПОЛНЕ СПОСОБЕН** ее преодолеть.

Высказанная здесь Конфуцием программа выглядит столь реалистичной, что ее, казалось бы, нельзя отнести к утопиям. Ежи Шацкий писал:

Несогласие утописта с существующим миром — тотальное несогласие. Он не видит «плохой стороны» и «хорошей стороны»; он видит только добро и зло. ...Это человек, всегда рассуждающий по схеме «или — или». ...Он сжигает мосты между идеалом и действительностью прежде, чем они достроены. ...Он верит, что человечество может начать все сначала. Его не интересует «лучше», но только «хорошо»¹³¹.

Но то в Европе.

Конфуций не сжигает реальный мир. Он просто хочет населить его людьми, держащими в узде свои эгоистичные мотивации. Он не стремится ампутировать у человека эгоизм — он знает, что это невоз-

---

¹³⁰ Мартынов, 1987. С. 16.

¹³¹ Шацкий, 1990. С. 35.

можно, да и не нужно. Он старается разработать образовательные и воспитательные методики, предложить стимулы, благодаря которым человек сам мог бы контролировать свой хватательный рефлекс.

Когда же он напрямую высказывается об идеальном государстве, для непосвященных его рекомендации выглядят мало что говорящими; да просто не относящимися к делу.

Янь Юань [задал Конфуцию] вопрос о государстве. Учитель ответил: «[Образцовое государство должно быть организовано следующим образом:] надо ввести календарь династии Ся, ездить на экипажах династии Инь, облачаться в парадную одежду династии Чжоу. [За основу государственной] музыки надо взять мелодии Шао. Следует запретить музыку княжества Чжэн и удалить недостойных, ибо чжэнские звуки вредны, а недостойные люди — опасны¹³².

Не вдаваясь в подробное комментирование упомянутых реалий, следует отметить, что все предлагаемые Конфуцием меры сводятся к использованию или отказу от использования уже когда-то существовавших практик. Снова — никаких мер, отрывающих идеал от традиции. Просто комбинирование наиболее удачных, с точки зрения Конфуция, методик прошлого, уже апробированных и уже доказавших свою эффективность в смысле достижения тех целей, которых Конфуций и стремится достичь в ходе преобразований. И второе, на что нельзя не обратить внимания — все перечисленные меры относятся исключительно к сфере духовной культуры. К образам, символам, мелодиям. Ни слова о том, что следовало бы, например, применять боевые порядки Инь, структуру учреждений Вэй, систему надзора Цинь и конструкцию тюрем Шан. Все — воспитанием, внушением, созданием культурной среды. Ничего — принуждением и администрированием. И лишь под конец — запрет, где в рамках бинарного единства фигурируют некие вредные мелодии и некие недостойные люди; нерасторжимая связь между деморализующим контркультурным влиянием и людьми, на которых нельзя положиться в деле государственного строительства, этим подчеркнута особенно ясно. Но даже здесь — никаких нововведений и никаких карательных рекомендаций.

Встречаются в «Лунь юе» и более понятные для неспециалистов советы, однако они вновь и вновь поражают своей кажущейся простотой и непритязательностью.

---

¹³² Лунь юй, 15—11. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 320.

...Я ...слышал, что правители государств и главы семей не страшатся бедности, а страшатся неравенства, не страшатся одиноких (*пинь 貧*), а страшатся отсутствия покоя. Ведь при равенстве [распределения материальных благ] не бывает бедных, при гармонии [в обществе] не бывает одиноких, а при спокойствии общества не бывает находящихся в опасности¹³³.

То есть, другими словами, пусть скудно, но справедливо; так, чтобы не разгорались алчность и зависть. Пусть немного, зато внутри не имеющей разрывов сети гармонично работающих социальных и семейных связей. Тогда все спокойны, а когда население спокойно, то и правителю опасаться нечего.

При этом для материальных благ не предусматривается никакого обобществления — просто соразмерность распределения. И не упоминается никакого начальства — просто самостоятельное исполнение всеми тех традиционных, привычных, естественных обязанностей, которые соответствуют их месту в семейной или социальной иерархии.

Или:

Цзы-гун спросил, как править. Учитель ответил: «Так, чтобы было достаточно пищи, достаточно военной силы и народ доверял». Цзы-гун спросил: «Буде возникнет нужда отказаться от чего-либо, с чего из этих трех начать?» Учитель сказал: «Отказаться от достатка военной силы». Цзы-гун спросил: «Буде возникнет нужда снова отказаться от чего-либо, с чего из оставшихся двух начать?»

---

¹³³ Лунь юй, 16—1. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 327. Ранее А. С. Мартынов предлагал несколько иной перевод того же высказывания, и на мой взгляд этот вариант, особенно когда и ту, и другую версию сравнивать вне соседствующих пассажей «Лунь юя», передает смысл одной из частей фразы Учителя более понятным для современного человека образом: «...Почитают за бедствие не то, что у них мало богатства, а то, что оно распределено неравномерно, не то, что у них мало людей (*пинь 貧*), а то, что они неспокойны... Если [в стране] установить гармонию, то население не будет казаться малочисленным» [Мартынов, 1987. С. 18]. Иероглиф *пинь 貧* действительно может обозначать и сирого бедняка, и какую-либо недостачу. Такого рода частности с очень большим трудом поддаются точному и однозначному переводу; вариантов понимания некоторых высказываний Конфуция за прошедшие века накопилось немало. Ныне легко можно понять, почему правители царств и главы семей могли опасаться малочисленности своего рода или населения своей страны. Но, в общем, можно представить, что и одинокие, непристроенные, выпавшие из стабилизирующей семейной структуры подданные, бездетные неженатые шалопаи могли представлять угрозу, о которой говорит Конфуций — первые для страны, вторые для семьи. Гармония в обществе страхует и от нехватки рабочих рук в связи с малочисленностью населения (ведь тяглых привлекают к работам в меру, поровну и в свой срок, оттого все трудятся с надлежащей отдачей), и от сумасбродства бобылей и одиночек (ведь семейные узы дотягиваются даже до тех, кого судьба лишила близких родственников, и поэтому люмпенизация не грозит никому).

Учитель сказал: «Отказаться от достатка пищи. Ибо спокон веку смерти никто не избегал, а вот без доверия народа [государству] не устоять»¹³⁴.

Иерархия приоритетов для тех, кто управляет страной, здесь обозначена с абсолютной жесткостью. Но это высказывание следует рассматривать, на мой взгляд, только в паре с предыдущим. Семья только тогда и доверяет ее главе, а народ только тогда и доверяет правителю, когда те в первую очередь заботятся о справедливости распределения материальных благ и гармонии человеческих отношений среди тех, кто им вверен Небом. Добиться доверия нельзя, добиваясь его специально. Доверие возникает само собой, когда верховная власть справедливо управляет общим хозяйством и хотя бы не мешает функционированию уже существующих, освященных временем, не требующих для своего поддержания никакого внешнего насилия межчеловеческих отношений, что и является гармонией. Вот когда люди знают, что управление имеет эти цели — тогда, и только тогда, в трудную минуту можно пожертвовать и материальным достатком, и оборонным успехом. Доверие все равно останется.

Утопия ли это? Следует ли отказать этой идеальной картине в праве называться столь ко многому обязывающим именем только на том основании, что она не требует сожжения старого мира, а идеал вырастает из реальности в процессе идеального управления этой реальностью? На мой взгляд — не следует. Уже потому хотя бы, что нарисованный этими короткими мазками мир является в конфуцианской системе представлений предельно хорошим, и выше него просто не может быть и не предусматривается ничего лучшего.

В «Ли цзи» картина идеального общественного устройства описывается несколько более подробно — хотя рядом с объемистыми европейскими трактатами она все равно очевидно проигрывает и в веле речивости, и в пафосе, и в полном отсутствии упоминаний каких-либо врагов идеального порядка, хоть внешних, хоть внутренних. По некоторым позициям она, казалось бы, напоминает предписания европейских утопистов, но, во-первых, даже для совпадающих с европейскими параметрами идеального устройства предлагаются совершенно отличные от европейских механизмы реализации, а во-вторых — главными объектами описания являются не обезличенные новации, а обы-

---

¹³⁴ Лунь юй, 12—7. Не чувствуя удовлетворения ни от одного из обнаруженных мною вариантов перевода данной фразы на русский язык, я осмеливаюсь дать ее в собственной редакции.

денные люди. Язык не поворачивается называть предлагаемые образы общественным «ПЕРЕустройством» — это именно не более чем «устройство», «БЛАГОустройство» общества, уже существующего. В крайнем случае — возвращение к устройству, некогда существовавшему, но утраченному, испортившемуся от человеческого небрежения. Стоит лишь с этим небрежением покончить — и тогда все, или хотя бы многое, вернется.

Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели признание, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчины, свое прибежище — у женщины. Нетерпимым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя; нестерпимо было не дать силам выхода, но и не полагалось [работать] только для себя. По этой причине не возникали [злые] замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось великим единением¹³⁵.

Таков предельный идеал.

Для современного творцам «Ли цзи» общества — это в чистом виде утопия, хотя обнаруживается она не на далеком острове, и не в неопределенном грядущем, но в собственном прошлом. И уже хотя бы поэтому в ней нет ничего противоестественного, искусственно выдуманного, сконструированного чисто по теории и навязанного силком. Ее следует иметь в виду как нравственный и социальный ориентир, но в реальной устройственной деятельности следует придерживаться несколько иной механики.

Ныне великий путь скрылся во мраке. Поднебесная стала достоянием [одной] семьи. Теперь родные для каждого — только его родственники, а дети — только его дети. Добро и силы [берегут] для себя. У больших людей наследование стало нормой, стены и ограды, рвы и запруды стали [их] крепостью. Путеводными нитями стали ритуал и долг. С их помощью упорядочивают [отношения] государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием — братьев, согласием — супругов. С

---

¹³⁵ Древнекитайская философия, 1994. Т. II. С. 100.

их помощью устанавливают порядок, намечают границы полей и общин, возвеличивают мужественных и разумных, наделяют человека заслугами. Их используют в своих замыслах, ради них поднимают оружие. Среди ..благородных мужей не было ни одного, кто бы не почитал ритуала. С ним они сверяли свою справедливость, на нем строили свою верность, проверяли вину, узаконивали человеколюбие, учили уступчивости, являя тем самым народу свое постоянство. Если кто не следовал бы ему, он потерял бы свой престол, ибо люди почли бы его сущим бедствием. Все это и называется малым умиротворением¹³⁶.

Другими словами, в утопическом состоянии великого единения все хорошее происходило вообще само собой, безо всякого не то что насилия, но даже просто какого-либо внешнего по отношению к каждому из людей регулирования. Вопрос о возможности реставрации такого состояния общества остается открытым, во всяком случае, такая возможность косвенно ставится в полную зависимость от морального состояния самих людей. А вот для практически достижимого благоустройства необходимо регулирование, необходимы официальные, всем известные и всеми признанные общие критерии оценки плохого и хорошего.

Категории ритуала (*ли* 禮) и долга (*и* 義) — одни из наиболее многозначных в конфуцианской теории, и сейчас, конечно же, не время и не место углубляться в их анализ. Но в самом общем и сжатом виде можно сказать, что ритуал, или нормы поведения — это четкие, не оставляющие особого простора для вариаций правила, согласно которым с учетом своего положения и положения своего визави в каждой данной социальной ячейке (семье, учреждении, соседской общине и пр.) и в каждой данной ситуации (полевая страда, похороны, получение должности и пр.) должен себя вести воспитанный благонамеренный подданный. Долг же — это внутренний императив, который велит такому подданному вести себя именно в соответствии с *ли*, а не иначе, не по личному произволу.

Можно сказать, что чем более тщательным и всеобъемлющим становится соблюдение *ли* на всех социальных уровнях, тем более общество приближается к состоянию малого умиротворения. И чем более произвольным, не требующим даже внутренних усилий оказывается такое соблюдение, тем более повышаются шансы на пере-

---

¹³⁶ Там же. С. 100—101.

растания малого умиротворения в великое единение. Во всяком случае — на уподобление ему.

Однако всякому человеку, чтобы быть в состоянии соблюдать *ли*, надо обучиться им хотя бы на чьих-то авторитетных примерах.

Начинается все, разумеется, с самого верха. Если во главе государства не стоит совершенномудрый монарх, с полной адекватностью воспринимающий веления Неба и способный претворить их в конкретной управленческой практике, ни о каком благополучии вообще не приходится говорить. Первым и главным условием созидания социальной гармонии является надлежащий правитель. Это понятно. Это от людей зависит в чрезвычайно малой степени, это воля Неба, это судьба.

Но даже самому совершенному правителю нужны помощники. Проводники его воли. Люди, ответственные за непосредственное проведение его распоряжений в жизнь. Ответственные за передачу примера непосредственно населению.

Для исполнения этой высокой роли тоже нужны совершенно специфические люди, достоинства которых отнюдь не являются врожденными, но, при наличии определенных задатков, воспитываются в процессе тяжкого и упорного труда по самосовершенствованию.

Концепция совершенного мужа (*цзюньцзы* 君子) является одной из краеугольных в учении Конфуция. Разнообразными характеристиками *цзюньцзы* «Лунь юй» просто изобилует.

Из Пути совершенного мужа [Цзы-чан] обладал четырьмя качествами: его поведение отличалось достоинством, он служил вышестоящим с почтительностью, возвращал народ с милосердием и заставлял народ [делать только] необходимое¹³⁷.

---

¹³⁷ Лунь юй, 5—16. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 238. Чтобы продемонстрировать, насколько богаты по смыслу высказывания Конфуция и как, в сущности, обедняет их русский язык (как, впрочем, и любой европейский), я приведу перевод той же самой фразы из книги Л. С. Переломова; перевод этот поразительным для некиитаиста образом одновременно оказывается по каким-то параметрам и дальше от оригинала, и ближе к нему: «...Он обладает четырьмя *дао* благородного мужа: в своих поступках он проявляет чувство самоуважения; находясь на службе у вышестоящих, он проявляет чувство ответственности; воспитывая народ, он проявляет чувство доброты; используя народ, он проявляет чувство справедливости» (Переломов, 1993. С. 234). Действительно, например, иероглиф *цзин* 敬, который у Мартынова передан как «с почтительностью», а у Переломова — как «чувство ответственности», среди своих значений имеет «почтение», «уважение» «преклонение», «благоговение», «рачительность», «осторожность», «осмотрительность» (Большой китайско-русский словарь, 1983—1984. Т. 3. С. 1085). Стало быть, весь этот комплекс чувств был задействован, когда Цзы-чан служил вышестоящим. В самом конце фразы в «Лунь юе» сказано: *ши минь е и* 使民也義. То есть понуждая народ что-то

Совершенный муж [вначале должен] завоевать доверие [народа]. Только после этого он может понуждать народ. [Если же совершенный муж станет делать это], не завоевав доверия, то [народ сочтет это] угнетением. Совершенный муж [вначале должен] завоевать доверие [своего государя]. После этого он может выступать с критикой [своего государя. Если же он сделает это, еще] не завоевав доверия, то государь сочтет [его критику] поношением¹³⁸.

Не служить — это означает не соблюдать свой долг. Если принципы взаимоотношений между старшими и младшими не могут быть отменены, то как могут быть отменены должные принципы взаимоотношений между государем и подданными? ...Служба для совершенного мужа — это выполнение его долга¹³⁹.

Совершенный муж ни к кому в Поднебесной не должен иметь ни предвзятости, ни пристрастий. Ему надлежит поступать [только] в соответствии с долгом¹⁴⁰.

Что необходимо совершенному человеку в наши дни? Ему необходимо, глядя на выгоду, думать о долге, видя опасность — готовиться к самопожертвованию и всю жизнь не забывать старых обязательств¹⁴¹...

Совершенный муж осознает свой долг, тогда как низкий человек понимает [только свою] выгоду¹⁴².

Совершенный муж помогает нуждающимся, а не увеличивает достояние богатых¹⁴³.

Совершенный муж почтителен и не допускает ошибок. Если он с уважением относится к другим людям, соблюдая при этом надлежащие нормы поведения, то тогда для него в пределах четырех

делать, как-то служить, направляя народ на исполнение каких-то дел (*ши* 使), Цзы-чан руководствовался при этом только *и* 義, то есть «справедливостью», «долгом», «честностью», «порядочностью», «обоснованными мотивами» (Там же. Т. 4, с. 220). Но это же, в сущности, и есть велеть делать только самое необходимое!

¹³⁸ Лунь юй, 19—10. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 349-350.

¹³⁹ Там же, 18—7. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 345.

¹⁴⁰ Там же, 4—10. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 231-232.

¹⁴¹ Там же, 14—12. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 308.

¹⁴² Там же, 4—16. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 233.

¹⁴³ Там же, 6—4. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 243.

морей все люди — братья¹⁴⁴.

Цзы-лу задал [Конфуцию] вопрос о совершенном муже. Учитель ответил: «Совершенствуя себя, практикуй почтительность». [Цзы-лу вновь] спросил: «И этого достаточно?» [Учитель ответил:] «Совершенствуя себя, приноси покой другим»¹⁴⁵.

Совершенный муж ест не для того, чтобы насытиться, и живет не для того, чтобы обрести покой. Совершенный муж умен в делах и осторожен в словах. Он стремится к общению с теми, кто обрел Путь, чтобы исправлять себя. О таком человеке можно сказать, что он любит учиться¹⁴⁶.

Совершенный муж старательно закладывает основы своей личности. ...Что же касается почтительности к родителям и уважительного отношения к старшим родственникам, то разве не из этих принципов слагаются основы гуманности совершенного мужа?¹⁴⁷

Эти цитаты можно множить и множить, наслаждаясь их лаконизмом и глубиной их смысла. Но и так уже ясно видны основные параметры личности идеального управленца.

Он уважает себя, сознает свою значимость и свой масштаб, бережет это самовосприятие, он ни в коем случае не бессловесный исполнитель приказов. Он относится к государю или вышестоящему начальнику почтительно, всегда готов следовать их повелениям, но только не когда они идут вразрез с его чувством ответственности, с его бережным отношением к тем, кто вверен его попечению. Сбережение народа для него не пустой звук и не красивые слова; это конечная практическая цель любой управленческой деятельности. Стараясь дать народу прежде всего покой, для себя *цзюньцзы* покоя не ищет. Дело для совершенного мужа прежде всего, и только своей эффективностью, результативностью на поприще служения государю и народу он доказывает свое право как на принуждение народа к тому, что он считает правильным, так и на критику государя, когда он полагает государя неправым. При всем при том не служить он вообще не может; реализовать себя как личность совершенный муж должен (или, по крайней мере, всячески должен пытаться это сделать) только на по-

---

¹⁴⁴ Там же, 12—5. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 289.

¹⁴⁵ Там же, 14—42. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 316.

¹⁴⁶ Там же, 1—14. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 215.

¹⁴⁷ Там же, 1—2. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 212.

прище государственного служения. Материальные соблазны им преодолены в результате личных духовных усилий; такое преодоление является одной из важных составляющих его самоуважения, и он ценит возможность уважать себя куда более возможности стяжания. Корясть для него не существует; долг для него — все. Ровно так же он относится и материальному достатку тех, кто ему вверен: ни у кого нарочито ничего не отнимая, он, тем не менее, в имущественных вопросах в целом всегда на стороне тех, кто беднее. Он тоже ощущает братство всех людей на свете, но не потому, что кто-то высший принудительным образом перепутал всех детей и родителей, так, чтобы они не знали своих реальных родственников и потому вынуждены были в каждом встречном подозревать кто — отца, кто — сына; это братство для него — братство по духу. Оно обеспечивается двумя взаимосвязанными факторами: постоянно испытываемым внутри уважением к окружающим и тем, что вовне оно реализуется через соблюдение правил поведения, оформляющих отношения скорее родственников, чем совершенно чуждых друг другу людей. При этом совершенный муж постоянно совершенствуется в своем совершенстве. Его совершенство — не статичное, раз навсегда достигнутое стылое состояние, но динамический процесс, нуждающийся в постоянном, определенным образом ориентированном духовном усилии. Но оно ни в коем случае не может совершаться лишь в душе; самосовершенствование подразумевает непрерывную практику. Практиковаться следует в оттачивании почтительного, но при том не подобострастного отношения к вышестоящим; практиковаться нужно в осуществлении такого управления нижестоящими, которое не доставляет им лишних хлопот, но улучшает их качество жизни, не уменьшает, а увеличивает их покой. Он, наконец, постоянно стремится к общению с теми, кто идет тем же путем практического самосовершенствования, имеющего высшим своим выражением государственное служение, и это общение благотворно для всех, кто в него включен — оно совершенствует каждого, каждый оттачивает и шлифует себя на каждом. Совершенный муж — это в огромной степени человек, сам создающий себя. Но он не может возникнуть и развиваться сам по себе, в изоляции, как перст; он — прежде всего член своей семьи, и именно возникающая в семье естественным образом почтительность к родителям и уважительное отношение к старшим родственникам служат первичными и базовыми мотивациями к соблюдению социального долга и совершенствованию умения его исполнять в повседневной деятельной жизни.

Последнее положение крайне важно.

Не будь семьи с ее освящённой веками спаянной иерархией, в которой каждый занимает свое место, свою ступень, имеет свою зону ответственности, и именно соответственно им вносит свою лепту в общее благосостояние, все замечательные характеристики совершенного мужа могли бы остаться не более чем пустыми благопожеланиями. Более того, всякая попытка разрушить семью или уравнять в ней старших с младшими (что, собственно, и было бы равносильно разрушению) — и сделала бы их пустыми благопожеланиями. Без семьи от всех этих замечательных качеств остались бы одни слова.

Культ предков сложился в Китае задолго до Конфуция. То же можно сказать и о семейных структурах. Конфуций продлил им жизнь тем, что избрал средством для превращения рецептов выращивания совершенных мужей из теории в практику. Впитываемые с детства стереотипы отношений и действий были обобщены как общесоциальные. Жесткая структура семьи позволяла формально отградуировать те или иные степени преданности и соучастия так, чтобы никакой высший ни с каким низшим не мог быть перепутан и полагающиеся каждой иерархической паре почтительность низшего и заботливость высшего могли бы быть преобразованы в единый для всех стереотип и распространены за рамки каждой отдельной семьи на все семьи разом, а тем самым — и во внесемейное социальное пространство.

Перечень иллюстрирующих эти положения цитат из «Лунь юя» лучше всего начать, вновь обратившись к последней уже процитированной фразе. В полном виде она выглядит так:

Среди людей мало таких, кто, будучи почтительным к родителям и уважительным к старшим родственникам, был бы склонен выступать против вышестоящих, и совсем нет таких, кто, будучи не склонен выступать против вышестоящих, любил бы устраивать беспорядки. Совершенный муж старательно закладывает основы своей личности. Когда же основы заложены, тогда возникает Дао-путь. Что же касается почтительности к родителям и уважительного отношения к старшим родственникам, то разве не из этих принципов слагаются основы гуманности совершенного мужа?¹⁴⁸

Этим существеннейшим высказыванием едва ли не открывается «Лунь юй». И хотя озвучено оно как бы не самим Конфуцием, но его учеником Ю-цзы, этим лишь подчеркивается, что мудрость Учителя

---

¹⁴⁸ Там же, 1—2. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 212.

уже стала убеждениями тех, кого он воспитал, и начала свое распространение по свету, впоследствии оказавшееся триумфальным.

Невозможно не сказать несколько слов о термине *жэнь* 仁, который здесь в переводе А. С. Мартынова передан как «гуманность». Это один из самых важных терминов конфуцианства, и смысл его чрезвычайно многолик; его интерпретациям посвящено немало прекрасных работ¹⁴⁹. Оптимальным, на мой взгляд, из всех разнообразных версий его перевода является «человеколюбие» (которое иногда применяет и сам А. С. Мартынов); помимо прочих достоинств, оно напрямую учитывает одно из основных определений, данных самим Конфуцием:

Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Любить людей»¹⁵⁰.

Но и такой перевод — лишь наименьшее из зол. Иероглиф *жэнь* 仁 состоит из двух частей, левая значит «человек», правая — «два». Причем лежащая китайская двойка, в отличие, скажем, от римской, где две черты стоят каждая сама по себе в состоянии разобщенного самостоятельного равенства, уже сама по себе иерархична: одна ее черта ближе к Небу, другая — к Земле (Ян — Инь). И именно в силу иерархичности она составляет взаимодополняющее единство, где у каждого из двух — своя социальная роль. При всем богатстве и разнообразии смыслов термина *жэнь* основная его подноготная — исполнение каждым из двух членов иерархической пары своих обязанностей по отношению друг к другу. Это, в сущности, и есть любовь к людям. Именно так она реализуется. Человека в одиночестве, самого по себе, нет. О том, любит ли такой человек людей, добр ли он, гуманен ли — просто бессмысленно говорить, для этого не найдётся слов.

Европейская двойка гласит, что в любой паре взаимосвязанных людей социальные роли у них не дифференцированы и поэтому каждый обречён всегда оказываться либо одиноким левым, либо одиноким правым уклонистом. В двойке китайской человек всегда включен в какую-то иерархию — со стороны животворных влияний Неба или со стороны плодоносной отзывчивости Земли.

А ведь китайцы в свое время, наверное, могли бы сконструировать знак для обозначения понятия *жэнь*, просто поставив рядом два одиночных иероглифа «человек», как-то вот так: 亻亻. Это очень похо-

---

¹⁴⁹ Весьма емкий обзор такого рода интерпретаций можно найти, например, у Л.С. Переломова (Переломов, 1993. С.167—191).

¹⁵⁰ Лунь юй, 12—22. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 294.

же оказалось бы на римскую двойку. Но отчего-то язык, повинуваясь изначальному, базовому предпочтению культуры и сам потом оказывая на нее влияние во все последующие века, пошел по иному пути и породил иероглиф, обозначающий не просто «два человека», но «человек в иерархической паре», «человек в неравновесном взаимодействии с другим человеком»...

Да, но на пути даже этого простенького нравственного требования — любить людей — сразу встают эгоизм, эгоцентризм, себялюбие. Именно поэтому Конфуцию пришлось разъяснять свой термин раз за разом, причем порой — довольно специфическим образом:

Янь Юань задал Учителю вопрос о гуманности. Учитель сказал: «Преодолей себя (*кэцзи* 克己) и обратись к ритуалу»¹⁵¹.

То есть человеколюбие — не абстракция. Это совершенно конкретное, для каждой ситуации своеобразное исполнение своих подразумеваемых высокой этикой обязанностей по отношению к тому или к тем, в отношении с кем ты в данный момент оказался включён. Человеколюбие старшего — забота о тех, за кого он в ответе. Человеколюбие младшего — отклик на заботу, почтительное, от всей души, повиновение старшему и мягкое увещание его, если младшему кажется, что старший в чем-то неправ. Порой для этого надо наступать на горло своим сиюминутным прихотям, пристрастиям, порывам. Не преодолевая себя, невозможно любить людей. Но преодолеть себя можно только самому. Ни стражи, ни сифогранты, никто другой за тебя этого не сделает. Извне можно только сломать — но тогда уже ни о какой любви речи и быть не может.

Первичным станком для вытачивания человеколюбия на всю оставшуюся жизнь и является для каждого человека, на каждом социальном уровне, его семья.

Учитель сказал: «Когда юноши находятся дома, они должны быть почтительными к родителям. Когда же они выходят из дома, они должны уважительно относиться к старшим»¹⁵².

Учитель сказал: «Когда выходишь за пределы родного дома, то следует служить князьям и сановникам. Когда же возвращаешься в родной дом, то следует служить отцу и старшим братьям»¹⁵³.

---

¹⁵¹ Там же, 12—1. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 287.

¹⁵² Там же, 1—6. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 213.

¹⁵³ Там же, 9—16. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 266.

Учитель сказал: «Служа родителям и [видя, что они не правы], убеждай их с мягкостью. Не изменяй почтительности, когда видишь, что они проявляют упорство, и не ропщи, когда устанешь»¹⁵⁴.

Ученик Конфуция Цзы-ся сказал: «[Если про того, кто] не придает значения внешней красоте, а ценит мудрость, кто умеет отдать все свои силы служению родителям, кто может пожертвовать собой ради государя, кто пользуется доверием в отношениях с друзьями, мне скажут, что он неуч, я все равно буду считать его ученым»¹⁵⁵.

Цзи Кан-цзы спросил: «Как следует поступать, чтобы сделать народ почтительным, верным и старательным?» Учитель ответил: «Общаясь с народом, сохраняйте внушительный вид, и тогда он станет почтительным. Если вы будете придерживаться сыновней почтительности по отношению к своим родителям, с любовью и заботой относиться к своим младшим, то тогда народ станет верным. Если вы будете выдвигать умелых и поучать неумелых, то тогда народ станет старательным»¹⁵⁶.

Некто сказал, обращаясь к Конфуцию: «Учитель, почему Вы не занимаетесь государственным управлением?» Конфуций ответил: «...Сыновняя почтительность! Только сыновняя почтительность в ваших отношениях с родителями. Будьте дружелюбны со своими братьями и распространяйте подобное отношение на государственное управление. Ибо [семья] также является управлением»¹⁵⁷.

Высказывания такого рода у Конфуция тоже более чем многочисленны. Нет ни малейшей необходимости приводить их все. Эта сторона конфуцианства в достаточной степени исследована в отечественном китаеведении, и я отнюдь не ставлю себе целью пересказать своими словами результаты работ замечательных ученых или сделать что-то вроде их компиляции. Я вижу свою задачу совсем иначе.

Прежде всего, надо оговорить, что в учении Конфуция термин *цзюньцзы* («совершенный муж») фактически является обозначением идеального управленца. Временами *цзюньцзы* может не служить в силу тех или иных субъективных или даже объективных обстоятельств

---

¹⁵⁴ Там же, 4—18. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 233.

¹⁵⁵ Там же, 1—7. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 213.

¹⁵⁶ Там же, 2—20. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 221.

¹⁵⁷ Там же, 2—21. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 221.

(например, как сам Конфуций, не найдя общего языка с современными ему правителями). Но главное его жизненное стремление — занимать государственный пост и добросовестно, ответственно, инициативно исполнять сопряженные с ним обязанности, принося пользу (покой) народу.

Впрочем, вне зависимости от формального пребывания в штате служащих, совершенный муж уже самим фактом своего существования и своей духовной деятельности на ниве самосовершенствования приносит пользу окружающим — воспитывая окружающих мелких людей собственным примером.

Крупный знаток политической истории и идеологии Китая Л. С. Переломов отмечал:

Цзюнь-цзы ... занимает одно из центральных мест в учении Конфуция, ему отведена роль идеального человека, наглядного примера для подражания¹⁵⁸ ...

...Впервые в истории китайской культуры была создана реальная модель идеальной личности, оказавшая огромное воздействие на формирование национального характера и духовной жизни китайской нации. Идеальная модель личности нужна была Конфуцию не сама по себе, он видел в ней ключ к созданию гармоничного общества¹⁵⁹.

Именно Конфуцию принадлежит честь создания образа китайского бюрократа¹⁶⁰.

Конфуций впервые в истории Китая с помощью образа «цзюнь-цзы» поднял значение бюрократии в системе управления и в обществе в целом. Бюрократия обязана была не только следить за соблюдением Правил (ли), но и воплощать их в жизнь на собственном примере¹⁶¹.

...Цзюнь-цзы является ...символом мудрого управленца¹⁶² ...

Воззрения эти носили чисто утопический характер: ...чиновники (если они, конечно, цзюнь-цзы) обязаны прежде всего заботиться о благе государства и его народа¹⁶³.

---

¹⁵⁸ Переломов, 1993. С. 188.

¹⁵⁹ Там же, с. 207.

¹⁶⁰ Там же, с. 233.

¹⁶¹ Там же, с. 238.

¹⁶² Там же, с. 251.

¹⁶³ Там же, с. 236.

Или:

Конфуцианский цзюнь-цзы — это с трудом, но все же вполне достижимый, земной идеал гармонической и всесторонне развитой личности¹⁶⁴.

Получается, что «утопический» управленец являлся, при этой самой своей утопичности, «с трудом, но достижимым» идеалом личности реальной.

Если вновь вернуться к приведённым выше высказываниям Конфуция, можно попытаться реконструировать систему стимулов, подвигающих совершенного мужа к его трудной, но благородной и такой необходимой деятельности.

Идеальный управленец мотивирован:

- ◆ любовью к семье и приносящим удовлетворение прежде всего ему самому привычным выполнением семейных обязательств, соответствующих его месту в семейной иерархии;
- ◆ самоуважением и стремлением его сохранить;
- ◆ самосовершенствованием;
- ◆ стремлением к творческой самореализации;
- ◆ желанием приносить пользу;
- ◆ личным участием в коллективном улучшении мира;
- ◆ долгом;
- ◆ преодолением примитивно эгоистичных побуждений, прежде всего — своекорыстия, духа стяжания, материальной мотивации.

То есть, другими словами, *цзюньцзы* во всех проявлениях своих, сизмальства и во все большей и большей степени по мере самосовершенствования обязан был в своих отношениях с внешним миром становиться:

- ◆ идеальным семьянином;
- ◆ идеально бережным ко вверенному его заботам населению управленцем;
- ◆ идеальным бесребреником¹⁶⁵.

---

¹⁶⁴ Васильев, Фурман, 1974. С. 427.

¹⁶⁵ Бесребреничество *цзюньцзы* не подразумевало аскетизма, нарочитого стремления к материальному убожеству и прочих свойственных, например, христианским праведникам добродетелей. Оно не связывалось ни с какой чрезмерностью, ни с каким переформатированием человеческой природы. Просто среди движущих мотивов *цзюньцзы* стремление к достатку и комфорту занимало сугубо подчиненное положение. Что-то есть — хорошо, пусть будет; чего-то не стало — не беда, пустяки, хлопот меньше. Порадовать *цзюньцзы* подарком вполне было можно (особенно если это какая-то древняя ру-

Человек увлечен своей конструктивной деятельностью, в процессе ее успешного осуществления он сам делается все лучше, он ощущает от нее удовлетворение, гордится собой и уважаем другими, если добивается результата. Мотивационная энергетика включена и требует выхода, а поведенческая ее реализация оформлена традиционными стереотипами коллективистского поведения. Это, в принципе, уже само по себе может обеспечить статистическое преобладание социально желательного поведения над социально нежелательным. Только при таком положении вещей противодействие уголовного права отклонениям от надлежащего, этически полноценного поведения может быть сколько-то эффективным.

Важно отметить, что ничего нереального и несвойственного человеческой природе в перечне мотиваций совершенного мужа нет. Но, конечно, они присущи в первую очередь очень хорошему и очень порядочному, очень хорошо воспитанному человеку. С другой стороны, эти устремления сами по себе имеют мощную воспитательную составляющую и способствуют улучшению человека и степени его порядочности. Они целиком погружены в реальный мир, но при этом отнюдь не подчинены ему и его превратностям, его темным сторонам. Напротив — они бросают этим превратностям вызов. А такой вызов для многих людей сам по себе служит прекрасным стимулом.

Говоря по совести, любой порядочный современный человек, занимаясь своим делом, рад-радешенек был бы иметь такой спектр движущих мотивов.

Но, с другой стороны, перспектива работать на износ, руководствуясь исключительно подобными соображениями, наверняка привела бы в ужас тех, кто, составляя если и не большинство, то весьма значительную часть населения нынешних цивилизованных стран, убежден, что и сам он человек идеальный, просто ему все время не везет и все время мешают бесчисленные подонки, и мир, в общем, уже достиг совершенства, просто надо в нем устроиться посытнее и по-вольготнее.

Не могу не отметить вроде бы совсем не относящегося к нашей тематике, но по сути — крайне важного момента. Если под этим углом зрения проанализировать лучшие советские утопии прошлого века, прежде всего — сформировавшие представления о так называемом Мире Полудня тексты братьев Стругацких, невозможно не почувство-

---

копись или картина), но вот повлиять с помощью подарка на его поведение и на принимаемые им решения — совершенно невозможно.

вать, что мотивационная база людей Полудня крайне далека от имплицитно предлагавшихся европейскими утопиями (которые долгое время считались предшественницами так называемого научного коммунизма, почему и Мир Полудня принято было полагать коммунистическим), но зато практически совпадает с мотивационной базой *цзюньцзы* (за исключением, пожалуй, преданности жесткой семейной иерархии).

Крупных же отличий, собственно, лишь два. Во-первых, указанная система мотиваций распространена с управленцев на всех людей вообще — но ведь каждый член грядущего общества мыслился в достаточной степени сознательным, ответственным и самостоятельным, а стало быть — в рамках своей профессиональной деятельности в любой момент мог оказаться единым в двух лицах принимающим решения и реализующим их управленцем-исполнителем; к тому же при демократическом мироустройстве каждый должен быть пригоден и к длительной управленческой деятельности, если так сложилась судьба. Во-вторых — совершенствование мира оказалось переориентировано с прошлого на будущее, с навечно расквартированного на заре времен статичного идеала на идеал, бесконечно разворачивающийся в бесконечное грядущее; главным же средством познания и созидания этого идеала, то есть смыслом жизни, стал переросший в естественную потребность научный и вообще творческий поиск, занявший место служения совершенному правителю (тоже — смысла жизни). Поразительно, что эти различия не имеют никакого отношения к собственно индивидуальной психологии обитателей идеальных миров. Приходится признать, что, в отличие от утопий тоталитарных, наперебой рвущихся простой грубой силой перелопатить неправильного человека в человека принципиально иного, правильного, по-настоящему гуманистические и жизнеутверждающие социальные модели, ни в малейшей степени не подозревая друг о друге и вроде бы несхожие во всем, спокон веку рисуют Человека Воспитанного Творческого Действенного Ответственного психологически однотипно и лишь одевают его несколько по-разному: то в чиновничий халат и шапку-гуань, то в скафандр звездолетчика.

Похоже, предполагаемая этими утопиями система мотиваций по самой человеческой природе является единственной, какую можно предложить в качестве заманчивой альтернативы мотивационному комплексу, основанному на возведенном в ранг высшего приоритета немедленном прямом самоутверждении, принявшем в наше время в

первую очередь формы бытовой агрессии и ненасытного стяжания — особенно опасных в открытом обществе, когда каждый человек то и дело оказывается сам себе управленец. Сейчас уже практически невозможно сомневаться в том, что если в течение обозримого будущего такая альтернатива не будет каким-то образом вновь с неподдельной привлекательностью предложена хотя бы в одной достаточно влиятельной стране, лучше — группе стран, на человечестве можно ставить крест. Выдуманные миры элоев и морлоков или, скажем, Джонни-Мнемоника покажутся райскими кущами по сравнению с тем, что на нас накатит в самой что ни на есть реальности...

Конечно, в процессе приспособления учения Конфуция к реальности и превращения его в господствующую государственную идеологию оно претерпело немало трансформаций. Ему пришлось примириться со многим, ему не свойственным. В частности, формализация бюрократической структуры привнесла в него ступени иерархии и соответствующие им нормы жалованья; реальный чиновник оказался мотивирован, вдобавок ко всем высоким побуждениям, еще и неизбежными для всякой реальной административной структуры повышениями и понижениями по службе, увеличениями и уменьшениями материального достатка.

Это, кстати сказать, ни в коем случае нельзя считать однозначно негативной трансформацией. Благодаря возникновению формальных критериев любой служащий получал чрезвычайно важную для всякого осмысленно действующего работника возможность прогнозировать свою карьеру, прикидывать, какие его действия могут способствовать его служебному и социальному росту, а какие — наоборот. Никакой реальный управленческий аппарат вне системы таких критериев работать не может; перефразируя великого нашего полководца Суворова, можно сказать: каждый управленец должен понимать свой маневр. Только это позволяет ему хоть в какой-то мере быть хозяином своей судьбы; а если человек лишен такого чувства, он, вне зависимости от степени трудовой загруженности и бытовой комфортности непременно ощущает себя рабом. И, разумеется, будет с этим рабским положением бороться при любой возможности и любыми средствами — пусть даже чисто пассивно (отлынивая, халтуря, а то и, чтобы себя порадовать, нарочно вредя, если никто не видит). Какое уж тут общее благо!

Кроме того, именно благодаря привнесению формальных критериев карьера конфуцианского управленца стала мощным, уникальным

социальным лифтом, работающим в принципе понятно, прозрачно, прогнозируемо и единообразно. Крестьянский сын мог дослужиться до министра, и, хотя подобные случаи все же были не правилом, а редкостью, само сознание, что такое ВСЕ-ТАКИ БЫВАЕТ, несомненно, окрыляло и создавало совершенно особую атмосферу. Причем, получая, скажем, седьмой ранг, любой управленец уже мог прикидывать, через сколько лет и при каких условиях он, скорее всего, получит шестой и пятый, а за что может оказаться разжалован до восьмого или девятого. Это тоже следует отнести скорее к положительным, нежели к отрицательным трансформациям.

Понятно, что творческая составляющая, особенно на нижних этажах бюрократии, постепенно оказалась минимизирована, значимость же формальной исполнительности возросла. Сказал свое веское слово и ханьский синтез конфуцианства и легизма: на свой лад подпитать стремление чиновника оставаться хорошим стало уголовное право, под страхом тех или иных наказаний пытавшееся не дать ему становиться плохим. Постоянная глухая борьба происходила на границе взаимодополнявших друг друга конфуцианского мировоззрения и императорской идеологии, претендовавшей на куда большую сакрализацию императорской власти и самой персоны императора, а следовательно — куда большую ее независимость от мудрых, честных и чуждых лести *цзюньцзы*, чем предполагалось поначалу.

И тем не менее конфуцианская теория и сформированная ею этическая картина мира встретили реально складывающуюся бюрократию, как родную. В них заранее были предусмотрены все основные чиновничьи «хорошо» и «плохо». Культура была готова к возникновению нового явления, более того — она его ждала. И все, что приносило с собой разрастание, усложнение и обособление бюрократии сразу словно бы само собой раскладывалось по уже расставленным этическим полочкам. Оставалось лишь подтянуть на соответствующий уровень уголовное право с тем, чтобы систематически и точно отсекать все, что на этих полочках не помещается.

Можно сказать, что совершенный муж, идеальный управленец, сам по себе стал едва ли не основным элементом китайской утопии правления, утопии превращения мира сущего в мир должный. Мало того — он оказался наиболее проработанным, наиболее живым, наиболее насыщенным эмоционально ее элементом. Это-то и позволяло китайским мыслителям описывать сам должный мир столь сжато и обобщенно. Достаточно было наметить основной вектор преобразова-

ния: обихоженные сытые старики, доверяющие друг другу деятельные мужчины во цвете лет, вдовы и бобыли, имеющие убежище и пристанище, здоровые дети, и все при том выполняют свои, присущие именно их положению обязанности и пользуются подобающими льготами (скажем, льготами несовершеннолетних, вдов, стариков). А сами организационные и технические тонкости решались бы под вдохновляющим влиянием совершенномудрого правителя идеальными управленцами в рабочем порядке. На то эти управленцы и идеальны.

Конфуцианство имело довольно четкую социально-политическую доктрину и... призывало... к активному воплощению в жизнь определенного социального идеала¹⁶⁶.

Идеальное прошлое должно было, по замыслам Конфуция, играть роль образца идеального будущего¹⁶⁷.

Это чрезвычайно существенный момент.

Если прошлое уже когда-то было, то оно, хотя бы в принципе, должно поддаваться более или менее полному восстановлению. Для реставрации идеала не нужно произвола, не нужно ничего выдумывать и насильно вдавливаться в мир искусственную отсебятину. Не нужно ничего ломать, выкорчевывать, сжигать. Достаточно отмыть то, что существует.

Утопия не заменяет реального мира, но мыслится не более чем его рафинированием.

Этот процесс, который, конечно же, инициируется и возглавляется совершенномудрым правителем, на стадии реализации претворяется в конкретную управленческую практику совершенными мужами. Идеальный мир ниоткуда не прилетает на огненных крыльях, но вырастает из реального под воздействием повседневной управленческой деятельности идеальных управленцев.

Но ведь и сами эти управленцы возникают из обыкновенных людей обыкновенного мира под воздействием преданности семейным ценностям, учебы, воспитания, общения друг с другом в определенной культурной среде, самосовершенствования, преодоления себя в результате правильно сориентированного образования и этикой личных духовных усилий.

Утопические управленцы вырастают из реальных людей.

В процессе их самореализации на поприще государственного

---

¹⁶⁶ Васильев, Фурман, 1974. С. 442.

¹⁶⁷ Переломов, 1993. С. 232.

служения из реального мира вырастает утопия.

Получается, на пути к ней нет непреодолимых границ.

Принципиальным отличием конфуцианской утопии от европейской было то, что она, по крайней мере в теории, могла быть реализована на базе старого — то есть обыденного реального — мира с помощью созидательной управленческой деятельности идеальных управленцев. А те, в свою очередь, тоже могли в более или менее достаточном для заполнения управленческого аппарата количестве возникать в старом, еще не преобразованном мире, исключительно благодаря индивидуальному усвоению соответствующей идеологии и реализации ее в повседневной жизни, в обыденных отношениях с окружающими.

Пропасть одолевалась в один прыжок.

А. С. Мартынов отмечал:

...Начиная с эпохи Хань, в течение всей последующей истории императорского Китая представление о власти как о воплощенной утопии в той или иной мере всегда было присуще официальному политическому сознанию¹⁶⁸ ...

Памятуя же о затронутой раньше проблеме перспективы и ее связи с полноценностью человеческих положительных качеств рискну заметить еще и вот что.

Хорошо известно, что китайская история делится на так называемые династийные циклы.

К власти приходит тот или иной род, он образует — надолго ли, нет ли — правящую династию; как правило, в первые десятилетия династия на подъеме, развивается экономика, растет благосостояние, осваиваются периферийные территории, подавляется сепаратизм. В это время управленческий аппарат, хотя превратить людей в ангелов не способна никакая идеология и никакая религия, в целом работает не за страх, а за совесть. Этим, собственно, в значительной степени и обусловливается династийный успех.

Раньше ли, позже ли, но страна достигает пределов роста. Для каждой эпохи специфика таких пределов своя, и соотносительная значимость тех или иных ограничивающих компонентов может варьироваться — то ли это географические пределы (горы, пустыни, океан), то ли пределы, положенные оборонными усилиями соседей, то ли говорит свое веское слово вмещающий ландшафт, не способный про-

---

¹⁶⁸ Мартынов, 1987. С. 29.

кормить возросшее за десятилетия процветания население. Начинается закат. В это время, когда, как ни старайся, сколь рачительно и заботливо не руководи, блокировать негативные тенденции оказывается невозможно по самым объективным причинам. Тогда у управленцев, будь они трижды *цзюньцзы*, неизбежно наступает апатия. И доминировать начинают корыстные, эгоистичные мотивации — просто потому, что любые иные теряют видимую результативность, лишаются смысла. Растет коррупция, вспыхивают бунты и крестьянские восстания, расцветают тайные общества, сепаратизм дробит страну. Экономика разваливается, ирригационные сооружения приходят в упадок, голод и междоусобицы уменьшают население — и очередному объединителю, чтобы хоть как-то стабилизировать положение и превратить катастрофу во всего лишь кризис, приходится все начинать сначала.

Но — именно сначала.

Конфуцианец никогда не воспитывался безропотным рабом человека (скорее это можно сказать о христианине), но его в такой степени воспитывали рабом строя, что, даже восставая, он всегда восставал во им строя¹⁶⁹.

Полагаю, не в последнюю очередь поразительная преемственность китайской культуры и государственности обусловлена тем, что на протяжении двух тысяч лет после каждой судороги китайская элита раз за разом отстраивала свою утопию — и ни что иное. В меру сил и разумения пыталась вернуть воспетую Конфуцием как социальный идеал благословенную спокойную древность. И не потому, что эта элита была консервативна, близорука, враждебна прогрессу и так далее. Эти понятия просто не имеют в данной ситуации смысла, они — из чужой жизни.

Уцелевшие в хаосе краха отцветшей династии и последовавшего за ним тотального разброда управленцы и их родственники, ведомые никуда не девшимися, впитанными вековой традицией мотивами человеколюбивой реставрации идеальной древности и благородной самореализации на стезе государственного служения, едва лишь различали среди бьющихся друг с другом военных лидеров того, кто мог бы, согласно их критериям, претендовать на роль наконец-то вновь появившегося совершенномудрого монарха, сплачивались вокруг него и вновь принимались за свою нескончаемую работу, прерванную кризи-

---

¹⁶⁹ Васильев, Фурман, 1974. С. 474.

сом. И для них не существовало более высокого и прогрессивного образа идеального мира, чем тот, что был сформулирован конфуцианством много веков назад. Они снова строили ту же самую утопию. И, что самое главное — при всех различиях, зависевших от конкретики той или иной эпохи — строили ее, во-первых, с удовольствием, с чувством, что называется, глубокого удовлетворения, а во-вторых — успешно. Раз за разом она оказывалась оптимальным социальным и административным устройством, способным обеспечить данной культуре в данном ландшафте и при данном внешнеполитическом раскладе наилучшие возможности на продление себя в будущее.

Конфуцианскую утопию, во-первых, можно было построить, а во-вторых, в ней можно было жить.

Раз за разом она оказывалась оптимальным социальным и административным устройством, способным обеспечить данной культуре в данном ландшафте и при данном внешнеполитическом раскладе наилучшие шансы на продление себя в будущее.

Всякая попытка реализовать европейскую утопию и во времена давние (в стиле, скажем, Кальвина или Мюнцера), и в недавние, памятные нам куда лучше, падала на грешную реальность, как атомная бомба — все выжжено, все оплавлено, но зато потом долго светится благодаря наведенной радиации. Всякая попытка реализовать конфуцианскую утопию от цикла к циклу была полной воды лейкой в руках садовника, чей сад начал было пересыхать.

Создание КНР в 1949 г. — с весьма высокой степенью абстрагирования, конечно — можно интерпретировать как очередную попытку с учетом реалий принципиально новой эпохи вновь отстроить традиционную утопию; традиционную, насколько это ныне возможно. Полный драматических зигзагов (принимавших, в том числе, вид критики Конфуция в последние годы правления Мао Цзэ-дуна) путь восхождения оказался, тем не менее, вновь на редкость успешным, и вдохновляющее чувство перспективы, чувство роста, чувство осмысленности и результативности управленческих усилий, несомненно, сыграло в этом успехе свою роль.

Успех этот, принявший в том числе и форму беспрецедентного для Китая роста благосостояния, чреват, однако, размыванием управленческих добродетелей. Особенно это опасно в виду приближения к пределам роста, дальше и выше которых нынешний мир с его экологическими, геологическими, экономическими и политическими реалиями взлетать просто не позволит. Управленческий аппарат Китая,

похоже, уже начинает захлестывать корыстными мотивациями. Создается впечатление, что ситуация там начинает напоминать ситуацию в СССР в начале 80-х годов: все промежуточные, вспомогательные цели в основном достигнуты, малое процветание построено, но именно достижение промежуточных материальных целей начинает провоцировать настроения, согласно которым главная-то цель является даже не миражом, но просто выдумкой. В этих условиях вспомогательные материальные цели очень легко могут выдвинуться на положение главных и вечных, а тогда ураганное нарастание мотиваций личной корысти уже невозможно будет ввести в приемлемые рамки.

По сути, единственным реальным средством парировать эту тенденцию без насилия, с относительно щадящим применением уголовно-карательных методик, может стать лишь открытие выхода в какой-то новый простор, настолько заманчивый для всех, что по сравнению с ним мечты о немедленном личном обогащении хотя бы для той части управленцев, что минимально достаточна для эффективного управления страной, просто померкнут. Прежде в Китае так бывало уже не раз.

Однако в наше время к факторам, препятствующим этому целевому маневру, добавился еще один, чрезвычайно мощный. Он не известен многовековой культурной традиции, он нов для нее и потому в ней не отработано против него ни малейших оборонительных рефлексов. Этот фактор — агрессия западной идеи, согласно которой всякая мало-мальски общая мечта уже сама по себе есть нарушение прав человека, тоталитаризм и реки крови, а единственной достойной современного человека мечтой должно быть личное, безотносительно к судьбам его семьи, народа и страны самоутверждение и связанный с ним материальный и статусный успех.

Корни этой идеи понятны. Многократно обжегшись на собственных утопиях, западная цивилизация теперь дует на любую воду. И сама не замечает, что уже давно обеспечивает собственную жизнеспособность отнюдь не тем, что более всего в себе ценит, но попытками силовой глобальной реализации нынешней своей тусклой фантазии, слегка украшенной лозунгами борьбы с тиранией в стиле Мора и Кампанеллы. Она, эта фантазия, сводится к планетарному господству совокупности самоутверждающихся всяк на свой лад изолированных индивидуумов, не связанных между собою никакими обязательствами, кроме финансовых, и никакими отношениями, кроме отношений купли-продажи, производства-потребления. Только навязывание миру

этой системы придает сейчас западной цивилизации хоть какой-то смысл — по крайней мере, для нее самой.

Положение усугубляется тем, что такая система ценностей **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** обеспечивает человеку преимущества в гонке за личным успехом, и как только этот успех становится главным жизненным смыслом — человек обречен ее принять.

Но общей положительной перспективы от этих индивидуальных успехов, как бы они ни были многочисленны, отчего-то не прибавляется. Возможно даже — наоборот. Все более ожесточённый мордобой в толпах на распродажах, тупая самоуверенность консюмеризма, у которого на любую рецессию один ответ: затянуть пояса потуже и покупать побольше; апология уродств, стволовые клетки для богатеев, переименование папы и мамы в родителя А и родителя Б да легализация педофилии¹⁷⁰ — вот и весь предел мечтаний, вот и все светлое будущее, которое современная евро-атлантическая цивилизация в состоянии предложить.

Да, мы прекрасно знаем, что в периоды кризисов всякая коллективистская мобилизующая идеология может показаться — а отчасти и впрямь оказаться — оправданием и питательной средой тирании. Но верно и то, что лишь она способна обеспечивать приток в управленческий аппарат хотя бы минимально необходимого количества администраторов, стремящихся туда не только ради личного обогащения.

Идеология личного успеха на это не способна вовсе.

Практически очевидно, что российская культура, при всей своей иногда кажущейся и частенько декларируемой самобытности оказалась в этом смысле вполне европейской. Надорвавшись в попытке реализовать древнюю западную идею коммунизма на последнем дыхании своего не менее древнего общинного своеобразия, ныне она так

---

¹⁷⁰ А там и до некрофилии рукой подать... В угоду экономике и идеологии свобода, за которую Европа столько лет честно проливали кровь на баррикадах, на наших глазах превращается в свободу культивирования дорогостоящих извращений и маргинализации жизнеспособной (а потому самодостаточной, значит, сравнительно аскетичной и, стало быть, по меркам консюмеризма — плохо работающей на экономический рост) физиологической и психологической нормы. Влекомые в очередное светлое будущее народы и ахнуть не успеют, как и копрофагия, глядишь, станет всего лишь одним из прогрессивных кулинарных направлений. А там уж рекламная пропаганда из кожи вон вылезет, а сделает это направление прибыльным, так что не заглянуть в кафе «Las Vegas Poor» или драгз-найт-клуб «Какашечка» будет считаться явным признаком ксенофобии, дискриминации и тоталитарного сознания; ни разу не откушавший там выродок быстро окажется нерукопожатым, потому что права человека — это святое... Кого, какого склада людей способна увлечь, вдохновить и объединить подобная перспектива? Ответьте себе на этот вопрос сами, в сердцах своих.

уже и не смогла пока предложить никакого ненасильственного механизма противодействия агрессивной мотивационной трансформации.

Сможет ли демонстрировавшая до сих пор поразительную устойчивость древняя культура Китая открыть какой-то новый простор, предложить какую-то новую перспективу, которая смогла бы сделать китайских управленцев более или менее иммунными к доминированию грезы личного самоутверждения и обогащения, мы увидим уже в ближайшие годы.

Библиография

Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1 — 4. М., 1983 — 1984.

Васильев Л. С. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.

Васильев Л. С., Фурман Д. Е. Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа) / История и культура Китая. М., 1974.

Древнекитайская философия. Т. I—II. М., 1994.

Жуховицкий Л. Тридцатилетняя война? / «Нева», 2011, № 6.

Кампанелла. Город Солнца. М., 1954.

Мартынов А. С. Конфуцианская утопия в древности и средневековье // Китайские социальные утопии. М., 1987.

Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь юй». Т. 1—2. СПб., 2001.

Мор Томас. Утопия. М., 1978.

Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.

Платон. Государство / Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. М., 1994.

Цаплин В. Разумное, но не мыслящее // «Полдень». 2009, № 3.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

Юсим М. А. Этика Макиавелли. М., 1990.

Cooper Robert. Why we still need empires? // The Observer, 07.04.2002. Адрес ресурса:

<http://observer.guardian.co.uk/worldview/story/0,,680117,00.html>